

КСЕНИЯ НЕЧАЕВА

ХЛЫСТ
КРАСНООКОГО
НЕВИДИМОЕ

Ксения Нечаева

Незримое. Хлыст Красноокого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70430443

SelfPub; 2024

Аннотация

Красноокий бог воскрес. В пустыне разгорается пламя войны с Этернарбосом. Прежние порядки канули в лету. В борьбе за власть больше нет места морали и чести – ради желаемого люди готовы на все. Даже поступиться собственными принципами. Яся уже лишилась многого, но для нее Красноокий уготовил особое испытание – если она не согласится присоединиться к нему, ей придется расстаться с самым дорогим. Готова ли она потерять то, что едва смогла обрести?

Содержание

Пролог	4
1	8
2	16
3	22
4	27
5	33
6	40
7	45
8	52
9	57
10	63
11	71
12	75
13	82
14	89
15	92
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Ксения Нечаева Незримое. Хлыст Красноокого

Пролог

Магия – величайший дар мироздания и величайшее же проклятие людского рода.

В самом начале она была незримой сущностью, понять и осмыслить которую не дано никому. Свободная и непокорная она создавала мир – небо и звезды, землю и океаны, людей и сущностей, населяющих сотворенные просторы и миры.

Но однажды магия начала слабеть. Чтобы выжить ей пришлось стать частью людей, присоединиться к ним и наполнить силой собственные создания, дабы не исчезнуть самой.

Выбор пал на трех братьев, которые спустя время и стали великой Тройкой богов – Синеоким, Краснооким и Желтооким. Одаренные невероятной силой, братья изменили мир и перекроили его по-своему.

Желтоокий брат был созидателем. Он создавал новые виды растений, животных, наделял их волшебной силой и дарами. Помогал людям излечивать болезни, даровал им покой

и избавление от страданий.

Красноокий брат был суров. Под его взглядом разрушались города, на руинах которого создавались новые. Он изменял суть существ, созданных Желтоокиим братом, и превращал их в чудовищ, населивших землю. К его мнению прислушивались древние короли, и от его решения зависел исход любых сражений.

А Синеокий изучал все возможности магии. Он укрощал непокорную силу, направлял ее действие на изменение сущего, делал землю пригодной новым реалиям – миром, в котором магией отныне управляли люди.

После смерти братьев великой силой стали обладать их дети, а после них дети детей. Дар передавался только по мужской линии, но однажды внук Желтоокого бога, Лето, решил проверить, можно ли наделить магией человека, изначально ею не обладающего. Его выбор пал на девушку Лию, которая казалась ему достойнейшей из достойных.

Первородная сила, таившаяся в юноше, помогла ему передать часть своей магии Лие. Это был жуткий эксперимент, обреченный на неудачу с момента замысла, ибо магия сделала выбор и не хотела принадлежать никому иному. Но Лето смог сотворить невозможное. У подножия горы Монсмагэт-мортис, в том месте, где магия перешла в руки братьев, Лия стала первым человеком из чужого рода, обладающим силой. Первой женщиной-магом.

Так магия перестала принадлежать только роду Тройки

богов. Но после ни одному человеку, изначально не наделенному даром, не удалось получить магию во владение. Одна легенда говорит, что Лия и до эксперимента уже была наделена толикой сил, другая утверждает, что магия сама решила покинуть род братьев, поэтому тот эксперимент оказался удачным.

Спустя поколения, наделенные силой стали рождаться в разных семьях, не только у потомков братьев или Лии. Маги появлялись на свет в разных уголках земного шара у родителей, прежде не обладавших такими умениями. Но никому больше не удавалось заполучить силу, изначально ею не обладая.

А магия прельщала. Многие лимы мечтали обладать силой, которая позволила бы им тягаться с самим мирозданием. Среди прочих легенд и поверий о том, как получить возжеленную силу, одна выделялась. Считалось, что тот лим, который сможет подняться на гору Монсмагэтмортис, наполненную первозданной магией, обретет магический дар.

Окруженная покровом тайн и снега гора Монсмагэтмортис влекла и манила тех, кто не обладал силой. Веками лимы мечтали покорить ее, но ни один предпринимавший попытку не вернулся обратно. Их тела навеки оставались среди толщи льда и снега. Гора стала жуткой усыпальницей для тех, кто отчаянно мечтал о магии.

Монсмагэтмортис стали называть Горой лимов, дабы не забывать о тех, кто положил жизнь к стопам неосуществив-

шейся мечты.

Красноокий бог расправил плечи, отряхнул пыль с длинного черного плаща и оглядел всех, кто был в пещере. Эней обнимал Ясю и продолжал удерживать заклинание щита. Никостэрион медленно поднимался на ноги. Его заполнила всепоглощающая пустота – мечта о воскрешении дочери разбилась так же, как Спекул рассыпался на тысячи осколков. Через какую-то четверть часа он попытается разрушить весь мир, будет уничтожать все, что ни попадется на пути, но пока в его душе царило опустошение как в пустыне, которую он смог пересечь вопреки собственным страхам.

– Чья магия воскресила меня? – голос Красноокого громом разнесся по пещере. – И чья была кровь?

Бог казался нерушимым, непоколебимым. Его облик источал все собранные воедино страхи, что питал каждый живущий на земле по отдельности и все человечество разом.

Ответом стала тишина.

– Я повторяю, – Красноокий взмахнул рукой, и магический щит, что удерживал Эней, испарился. – Чья была магия и чья кровь?

– Моя кровь, – Яся не могла решиться оттолкнуть Энея, а лишь крепче прижалась к нему. – Ее отняли силой.

Красноокий в мгновение ока подскочил к Ясе, отбросил Энея в сторону и коснулся рукой пореза на ее щеке. Вопре-

ки голосу разума, твердившему, что так делать не стоит, Яся взглянула прямо в красные глаза воскресшего бога. Она не знала, почудилось ли ей, или получилось считать истинные мысли Красноокого, но на краткий миг она поверила в то, что бог не рад внезапному воскрешению.

– Это была твоя магия? – Красноокий резко развернулся в сторону Энея.

– Тебя воскресил я, – отозвался Никостэрион с другой стороны пещеры. Он смотрел перед собой в одну точку и слегка покачивался из стороны в сторону.

Красноокий развернулся и подлетел к нему.

– А куда делся Ведамир? – прошептала Яся Энею.

– Кажется, он сбежал, едва показался Красноокий.

– Трус.

– Что ты, он просто печется о благополучии Иксарда. Слушайся с ним что-то, жители останутся без великого защитника.

– Не время острить.

Красноокий встал напротив Никостэриона. На фоне мага, лицо которого так ясно отражало все его эмоции, облик бога казался до жути неестественным – слишком правильные черты, словно выточенные из камня и не выражающие никаких чувств. Образ Красноокого источал такой же холод, как и мраморное изваяние.

– Для чего ты воскресил меня? – Красноокий занес руку над головой Никостэриона, словно собирался наложить за-

клинание.

– Не ты был мне нужен.

Никостэрион по-прежнему отрешенно смотрел чуть в сторону, не достаивая бога даже взглядом. Он выглядел так, словно смерть от руки Красноокого стала бы для него высшим благом. В эту секунду он и впрямь не хотел больше жить.

– Я желал вернуть дочь, – продолжал Никостэрион. – Не мог поверить, что зеркало способно воскресить лишь одного из богов.

– Заявлять подобное смотря в глаза смерти не очень разумно.

– Теперь мне плевать – жить, или умереть.

Никостэрион поднял на Красноокого глаза, заполненные слезами.

– И именно поэтому я сохраню тебе жизнь – смерть была бы наилучшим исходом. Но тебе полагается страдать, и поэтому жизнь продолжит биться в твоей груди, вырываясь наружу, словно птица, загнанная в клетку.

Красноокий посмотрел по сторонам, словно хотел навсегда оставить в памяти воспоминания об этом месте, развернулся к выходу, поднялся над землей и вылетел прочь из пещеры. Он взмахнул рукой, и проем в стене, отделявший пещеру от прохода, завалило булыжниками. Яся, Эней и Никостэрион оказались на какое-то время замурованы в каменном склепе.

Бог покинул душную пещеру, напомнившую ему о склепе, и оказался на воздухе. Он вдохнул полной грудью и на мгновение закрыл глаза.

— В небытие я успел забыть, как прекрасно ночное небо, освещенное огнями надвигающейся битвы.

Красноокий поднялся над землей и, пробираясь сквозь толпу, охваченную паникой, устремился к воротам. Магический барьер, сооруженный Ясей и Энеем, он разрушил взмахом руки. В Шард тут же устремились горящие стрелы, прежде разбивавшиеся о незримое препятствие.

Вторым взмахом руки Красноокий распахнул городские ворота.

— Да начнется битва! — провозгласил он, широко расставив руки, словно пытался обнять армию Этернарбоса, устремившуюся в Шард.

Звон мечей, свист стрел и вопли безумных воинов слились в жуткий гул, заменяющий надежду отчаянием. Красноокий медленно шел по городу, наслаждаясь звуком, что был для него сродни музыке в самом извращенном ее понимании.

Никто из сражавшихся — ни воины Этернарбоса, ни защитники Шарда — не могли бы причинить вреда богу, подчинявшего себе стихию войны. Горящие стрелы со свистом пролетали мимо него, копья, брошенные завоевателями, падали к его ногам, а мечи замирали, едва приближаясь к его телу.

Яся, Эней и Никостэрион заклинаниями расчистили обрушившийся проход и следом за Краснооком выбежали в город.

– Что происходит? – прошептала Яся, узрев огни битвы.

– Торжество Красноокого. Демонстрация того, во что скоро превратится мир, – отозвался Никостэрион. – Сила войны питает его магию. Скоро он станет настолько сильным, что совладать с ним не сможет и сотня человек.

– Как будто сейчас он не настолько силен.

– О, нет, – Никостэрион улыбнулся. – Выражаясь метафорически, он только учится ходить.

– Скорее, вспоминает, как нужно бегать, – Эней потер лоб и громко выдохнул.

– Нужно помочь жителям. Если Этернарбос прорвался в город, то стоит поспешить.

– Затея обречена на провал, – поднял брови Никостэрион.

– Собрался сбежать как твой брат? – Эней развернулся к нему и нахмурил брови.

Плечи Никостэриона чуть дрогнули, как если бы он позволил себе усмехнуться. Но это был нервный жест – смеяться маг был сейчас не в состоянии.

– Что ты, я не оставляю детишек наедине с огромной армией.

Трое магов взлетели и направились в самую гущу битвы навстречу боли и собственным страхам. Яся ощутила, как внутри нее все сжимается и превращается в ледяной тяже-

лый ком. Но бояться не было времени.

Жители Шарда спешили спрятаться, но воины находили их в собственных домах и вытаскивали на улицу. Яся увидела, как девушку волочет по земле за волосы широкоплечий солдат Этернарбоса. Девушка кричала и извивалась, но его это не могло пронять. В мгновение ока Яся оказалась рядом и заклятием оттолкнула мужчину.

– Беги! – крикнула она девушке.

Дважды повторять не пришлось.

Яся оглянулась, в толпе высматривая Энея – он сражался в нескольких шагах от нее. И ее взгляд упал на женщину, лежавшую на земле, над которой занес меч воин. Это была мать Шади. Ее платок слетел с головы, открыв лицо, на котором застыло выражение ужаса.

– Нолитум! – крикнула Яся, и воин замер, парализованный заклятием.

Яся помогла женщине подняться.

– Спасибо, – сказала она.

– Вам нужно прятаться. Я провожу в укрытие.

– Это ни к чему.

– Не бойтесь, – Яся дотронулась до ее руки, но та судорожно ее отдернула.

– Когда вокруг столько магии, ничего не может быть хорошо. Воздух осквернен ею.

– За что вы так не любите магию?

– Сейчас не время и не место для подобного разговора.

Никогда не думала, что Шард будет заполнен этой гнилью, но, если что-то до сих пор не случилось, не значит, что это не произойдет теперь.

Сердце Яси на миг замерло – именно эту фразу произнес Шади, когда впервые сказал, что собирается вырастить розу среди песков.

– Иди, – мать Шади махнула рукой, – и постарайся кому-нибудь помочь.

В это время Никостэрион остановился перед зданием капитолия, куда сбегались жители, надеявшиеся получить помощь. На полукруглой крыше стоял Красноокий бог и с наслаждением наблюдал за происходящим. На его лице застыло подобие устрашающей улыбки, которую вернее было бы назвать оскалом.

– Ты ведь в силах все это прекратить! – крикнул Никостэрион, но Красноокий не счел нужным ему отвечать. – Неужели тебе доставляет удовольствие наблюдать за страданиями людей? Ты, обладающий магией, должен оберегать лимонов!

Не удостоившись ответа, Никостэрион резко развернулся и начал напропалую бить заклинаниями по вражеским солдатам, которые развлекались тем, что атаковали убегающих в спину.

– Фагэйт! – прокричал Никостэрион, а воин, бегущий к нему навстречу, замер и упал навзничь.

– Фагэйт! Нолитум! – продолжал кричать Никостэрион, атакуя нападающих.

И чем больше он тратил сил на бой, тем сильнее входил в раж. Боль от неосуществившегося воскрешения дочери вырывалась наружу и превращалась в то самое отчаяние, что ослепляет и застилает пеленой глаза. Ему хотелось крушить все, что попадало под руку – неважно дом это или лежащая на земле потерянная игрушка. Ярость стала властвовать над магом.

Яся как могла защищала горожан. Она возводила щиты, помогала добраться до укрытий и отражала заклинания, которые накладывали маги Этернарбоса.

– Все в порядке? – прокричал Эней, только что отразивший заклинание в двух десятках шагов от Яси.

– Да, отлично.

Эней показал ей большой палец и убежал на помощь очередному лиму. В тот самый момент, когда он отвернулся, Яся ощутила тупой удар по затылку и без чувств упала на землю. Ее битва была окончена.

Каролина, не оглядываясь, бежала прочь от Русалочьего озера, где на поверхности, чуть покачиваясь, плавало тело Альдоны, застреленной из арбалета. Каролина не чувствовала сожаления. Она закусывала губы, сдерживая улыбку – хоть частично, но она отомщена. Та, что следила и выдала ее местоположение, была наказана и поплатилась жизнью.

Затеряться в лесу среди деревьев было проще всего. Поэтому Каролина торопилась именно в чащу. На этот раз ее никто не найдет.

Едва Каролина шагнула за границу Иксарда и сделала первый вдох за пределами столицы, она ощутила пьянящий аромат свободы – та пахла зеленью, распускающимися цветами и сырой землей.

С детства она слышала, что лес таит много опасностей, но сейчас ощущала себя безопаснее, чем за все годы ее жизни в королевском дворце, окруженная бесчисленными слугами. Теперь только она сама была ответственна за собственную жизнь. Может быть, именно в этом и заключается истинное значение свободы?

Каролина вышла на небольшую поляну, окруженную со всех сторон деревьями и усыпанную белоснежными цветами так, словно посреди лета выпал снег. Она видела снег лишь однажды – когда вместе с королем посещала Академию ма-

гии. Пока король обсуждал с директором вопросы пополнения библиотечного фонда Академии – Драговит мечтал за-получить несколько уникальных фолиантов из королевской библиотеки в свое владение – принцессу пригласили на за-нятие, где ученики отрабатывали погодные чары – одни вы-зывали тучи, другие рассеивали их. Как всегда замороженная магией Каролина не могла отвести взгляда от происходяще-го. Она потирала кончики пальцев и, затаив дыхание, следи-ла за тем, как ученики размеренно взмахивали волшебными палочками и подчиняли законы природы своей воле.

– А вы можете сделать, чтобы пошел снег? – внезапно спросила она у преподавателя.

Накануне Каролина читала роман, в котором отважный принц держал путь через заснеженный лес, чтобы вытащить из лап бауков похищенную невесту, и ей захотелось увидеть его наяву.

Отказывать принцессе не полагалось, и преподаватель благосклонно кивнул, осматривая учеников.

– Можно я? – вызвался один мальчик и сотворил для принцессы настоящее чудо.

В отличие от одноклассников, он не использовал волшеб-ную палочку. Взмахнув руками, мальчик призвал темно-се-рую тучу, которая зависла над головами, едва заметно пока-чиваясь. Он взмахнул второй раз, и туча извергла из себя настоящий снег.

Приоткрыв рот от удивления, Каролина шагнула под пада-

ющие хлопья и, подставив ладонку, поймала снежинку, которая мгновенно растаяла, оставив на руке капельку влаги.

– Какой холодный, – прошептала она и широко раскрытыми глазами посмотрела на мальчика, создавшего для нее чудо.

Он казался чуть старше ее всего на несколько лет, но его знания не шли ни в какое сравнение с теми, которыми обладала она. Мальчик залился румянцем, неловко поднял руки вверх, дотронулся до своих темных кудрявых волос и улыбнулся.

– Для меня великая честь порадовать вас, принцесса.

Каролина продолжала стоять под падающими хлопьями, пока не закончился урок. И это было самым волшебным ее воспоминанием за всю поездку. Когда прозвонил колокол, возвещающий об окончании занятия, Каролина подошла к мальчику и чуть слышно прошептала:

– Спасибо.

И теперь, оказавшись на поляне, усыпанной цветами, Каролина ненадолго мысленно перенеслась в тот самый день, когда магия в очередной раз смогла ее поразить. Она дошла до центра поляны, медленно опустилась и легла на траву, словно на мягкую перину, только сейчас осознавая как сильно устала.

Каролина уснула мгновенно и проснулась лишь когда солнце начало клониться к закату. Она резко села, словно

поддержанная крюком, и огляделась, как будто забыла как здесь оказалась. Страхнув с себя ползающих муравьев, Каролина поднялась на ноги, взяла арбалет и перевесила его через плечо. С ним она чувствовала себя более защищенной, но понимала, что для пущей уверенности ей нужно раздобыть меч, которым научилась владеть, живя на острове Соти́рас.

Но сначала нужно было решить иную проблему – избавиться от давящей боли в животе. Каролина хотела есть. Когда она жила во дворце, а после на острове Никостэриона, проблем с пищей у нее не возникало – еда всегда была доступна. Возможно ли найти еду в лесу? Вот на какой вопрос нужно было искать ответ пока была возможность, а не только учиться орудовать мечом.

Потирая живот, Каролина медленно пошла в сторону леса. Становилось темнее, а, значит, скоро будет холодно. Хорошо бы развести костер. Но где же взять огниво? Каролина глубоко вздохнула, пытаясь не поддаваться панике, и пошла вперед. В конце концов, три года назад ей удалось выжить в лесу после побега из дворца, значит и в этот раз все получится. Она ведь стала сильнее и выносливее – по крайней мере, Каролина так думала.

Она услышала шорох в кустах и резко обернулась назад, но не увидела никого. Медленно приблизившись, она заглянула сквозь зелень. В траве сидел заяц, который, заметив человека, бросился бежать.

«Я могу подстрелить дичь», – подумала Каролина. Она сняла арбалет с плеча, подняла его и взвела рычаг, оглядываясь по сторонам, не осознавая, насколько нелепо сейчас выглядит. Но, вероятно, Желтоокий бог, которому она всегда молилась, был к ней милосерден. Через некоторое время Каролина заметила еще одного зайца на поваленном дереве. Он смотрел куда-то перед собой, дергал ушами и не видел крадущуюся принцессу.

Каролина задержала дыхание и спустила стрелу, которая пронзила зайца, и тот свалился замертво. Каролина рассмеялась и принялась пританцовывать от радости, но вдруг резко замерла. «А что я теперь буду с ним делать?» – подумалось ей.

Принцесса не имела ни малейшего представления о том, как свежевать животное, или как развести костер для его приготовления. У нее даже не было с собой ножа. Каролина подошла к зайцу и одним пальцам дотронулась до его теплой шкурки.

– Кажется, я напрасно сделала это, – прошептала она.

Ее взгляд упал на торчащую стрелу. Каролина дотронулась пальцами до острия, и ей в голову пришла идея. Она вытащила из колчана одну из оставшихся стрел и отломил ее кончик, планируя использовать его вместо ножа. Но резать получалось плохо, скорее выходило разрывать острием, а потом разрывать тушку, и на то, чтобы разделать зайца у нее ушла уйма времени. Когда она закончила, уже наступила

глубокая ночь.

Оставалось разжечь костер. На Сотирасе она видела, как мальчишки добывали огонь с помощью трения – они брали тонкий кусок дерева, делали в нем небольшое углубление, клали под низ кусочек коры и быстро начинали вращать небольшую палочку. Это казалось просто.

Но найти в лесу сухое дерево было не так легко. Поваленное дерево, на котором сидел заяц, было еще сырым, поэтому Каролина принялась искать другое. Держа мясо в руке, с арбалетом наперевес, Каролина медленно шла по лесу, всматриваясь в почти непроглядную темноту. Повезло, что сегодня на небе была полная луна, хоть немного освещавшая путь.

Вскоре Каролина смогла найти нужное высохшее дерево. Она отломала ветку, сняла кору и принялась тереть одну о другую. Но, как ни старалась, у нее ничего не выходило. Через некоторое время пальцы начало саднить, а потом на них выступила кровь. Каролина отшвырнула ветку и зарычала от бессилия. Все усилия пошли прахом.

Каролина бросила взгляд на мясо, лежавшее на земле, сглотнула слюну и прошептала:

– Ну нет, я не настолько голодная, чтобы есть его сырым.

Она прижалась спиной к дереву и обхватила руками колени, чтобы немного согреться. Этой ночью в компании с освежеванным зайцем уснуть она не смогла.

Яся лежала с закрытыми глазами и мерно раскачивалась, словно плыла на лодке. Влево. Вправо. Вперед. Назад. Голова кружилась, а к горлу подступала тошнота. Что происходит?

Яся медленно открыла глаза. Но, вопреки убеждению, не увидела вокруг водной глади. Она лежала на деревянной решетке, сквозь отверстия которой просвечивалась глубокая бездна. Яся подскочила на ноги и тут же села, ударившись головой о такую же сетку, потерла ушибленную голову и огляделась. Ее заточили в деревянную клетку, которая висела под каменным сводом пещеры. Под ней зияла пустота, а край обрыва, за которым был виден выход, находился так далеко, что не хватило бы и десятка прыжков, чтобы добраться до него. Нужно было выбирать. Яся подняла руки и прошептала:

– Ресерэм!

Но клетка не распахнулась. Заклинание не сработало.

– Не получится, – раздался голос.

Яся обернулась и увидела неподалеку такую же клетку, в которой точно так же медленно раскачивался над пропастью Никостэрион.

– Что происходит? Где мы?

– В плену у Этернарбоса.

– Почему я не могу отпереть клетку?

– Посмотри на древесину.

Яся провела рукой по деревянным прутьям и ощутила едва ощутимое жжение в кончиках пальцев.

– Облепила? – отдернула она руку.

– Она самая. Думаю, в дополнение к дереву использовали и заклинание, лишшающее сил.

– Бесов хвост!

Вцепившись в прутья, Яся стала их трясти. Но древесина не поддавалась – стоило бы удивиться, если бы эта затея обернулась успехом.

– Даже если сможешь сломать клетку, как ты собираешься выбираться? Под нами пропасть.

– Не знаю. Но разве можно сидеть просто так и ничего не делать?

– Я ведь сижу, – Никостэрион пожал плечами и развел руки в сторону.

Яся вздохнула, подняла взгляд к потолку и шепотом выругалась.

– А где Эней? – она огляделась, ожидая увидеть еще одну клетку.

– Последний раз, когда я его видел, он сражался на мечах с этернарбосцем. Потом меня оглушили, и я очнулся здесь.

– Великий и ужасный Никостэрион пал от чужого заклинания? Не так тебя описывают.

– Так и ты, преемник Верховного мага, не соответствуешь

своему статусу.

Никостэрион не стал говорить о своей уверенности в том, что поймать его помог сам Красноокий бог, разозлившийся дерзости мага – для него это было сродни избавлению от надоедливового насекомого, мешающего наслаждаться видами битвы.

– Я никогда и не была уверена, что справлюсь. Ведамир избрал меня от безысходности – до этого ни один маг не прошел испытание.

– Ты тоже не прошла его до конца.

– Зато пережила встречу с тобой.

– И в этом опять нет ни капли твоей заслуги.

Яся поджала губы и попыталась сесть поудобнее, но на деревянной решетке сделать это было непросто. Интересно, какое расстояние до дна ямы?

– Почему ты остановился в тот день? Почему не стал меня убивать на испытании?

– Мне казалось, что ты поняла, что я не такой безжалостный убийца, как обо мне говорят.

– С чего бы мне это понять? Из-за тебя, между прочим, я здесь и оказалась. Ты воспользовался Спекулом, ты возродил Красноокого. Чего тебе не сиделось спокойно на своем острове?

– Но я не заставлял Этернарбос нападать на Шард. Ты оказалась бы в плену в любом случае.

Яся недовольно запыхтела, но сдержалась от того, чтобы

сказать еще какую-то колкость.

– Тогда, на испытании у Ведамира, ты дотронулся до меня и увидел что-то, что тебя остановило. Я часто думаю об этом и не могу найти ответа.

Глаза Никостэриона сверкнули бордовым, он прищурился и поджал губы.

– Ты мог одолеть Ведамира в тот день. Оглушил бы меня и занял место Верховного. Что пошло не так?

– Я увидел в тебе то же желание, что было и во мне – отправиться в пустыню. Тогда я не понимал, что именно влечет тебя туда, но мне показалось, что наши цели могут быть схожи.

– Ты решил, что я тоже ищу Спекул?

– Я ощутил твою боль утраты. Каролина рассказала мне после о том, что ты потеряла возлюбленного. Впрочем, ты быстро переключилась на другого. Тогда я посчитал, что эта твоя боль утраты и подвигла тебя на поиски Спекула.

– И поэтому не стал меня убивать?

– Максимум я бы тебя обездвигил. Но тебя и без моей помощи сковал страх.

– Эй, я ведь бросилась за тобой в погоню!

– Это говорит не о твоём бесстрашии, а о безрассудстве.

– Клянусь, обладай я сейчас магией, я запустила бы в тебя заклятием несварения. Ты ужасен.

– О, да. Великий и ужасный Никостэрион, – маг пожал плечами и подобрал под себя ноги.

– Ладно, как будем выбираться? – Яся вновь подергала за прутья клетки. – Наверняка у тебя есть коварный план.

– Буду ждать, пока твой возлюбленный не соизволит прийти тебе на спасение и меня не оставит здесь из исключительно благородных чувств.

– Он мне не возлюбленный!

– Можешь обманывать кого угодно, даже саму себя, но я все вижу. Могу ошибаться, но, помимо прочего, вы связаны с ним магией...

– Родственных душ, – Яся закатила глаза и тяжело вздохнула. – Возможно и так – я не проверяла. Но это не значит ровным счетом ничего. Я не обязана быть с ним, и никто меня не заставит.

– Как скажешь. Почему ты так распалилась? Мне, собственно, все равно, что происходит между вами.

– Потому что всю жизнь я ощущала себя обязанной кому-то. Стать защитником столицы, поехать в пустыню в память о Шади, быть до конца с родителями. Но в этот раз даже самая сильные чары не заставят меня быть с Энеем – я не должна магии ничего.

Никостэрион внимательно смотрел на Ясю, ожидая конца ее монолога. Едва она перевела дыхание, Никостэрион нарочито громко зевнул и свернулся калачиком на полу клетки.

Пока Верховного мага не было в столице, его обязанности исполнял старший помощник Василько.

В последнее время город словно сошел с ума. Сначала на границе появились чудовища, которые, не в силах преодолеть магическую стену, скулили, царапали когтями или проклинали незримый барьер. Пришлось Василько применять дополнительные защитные чары, чтобы отгонять от Иксарда непрошенных гостей.

А потом переполошились и жители города. Среди них стали чаще звучать разговоры о том, что пора бы покинуть столицу. Но с подобным Василько быстро справился – пара заклинаний, и лимы переставали думать о побеге из столицы. Но избавить город от тревоги, растворенной в воздухе, он был не в силах.

Сегодня Василько гулял по улицам, прислушивался к разговорам и пытался по возможности разрядить обстановку с помощью расслабляющих чар, которые дарили лимам безмятежное чувство спокойствия и блаженства, пусть и ненадолго. В замок Василько возвращался уже затемно. Не дойдя до ворот, он замер – перед ними стояла запряженная королевская карета, что само по себе было плохой приметой. Возле кареты переминался с ноги на ногу один из младших помощников и что-то объяснял возникшему.

– Я не могу знать, где он сейчас. Как правило, нас никто не предупреждает... Ох, Василько, наконец-то! – воскликнул помощник, заметив медленно подходившего к ним старшего помощника.

– В чем дело? – нахмурил брови Василько.

– Король прислал за тобой карету. Битых полчаса я пытаюсь доказать, что не знаю, где ты можешь быть.

– Зачем я понадобился его величеству? – Василько посмотрел на возничего, тот пожал плечами и молча кивнул на карету, приглашая сесть внутрь.

Казалось, что возничий специально управляет каретой так, чтобы каждое из четырех ее колес непременно проехало по всем кочкам и ямкам на дороге. Василько закрыл глаза и, чуть подпрыгивая на месте, медленно считал про себя. Но успокоиться это не помогло. Когда карета возле крыльца остановилась, он выскочил и, желая выплеснуть все недовольство, прикрикнул:

– Божедурье! Неужели нельзя было аккуратнее? Не беса на шабаш вез!

Возничий пролепетал что-то неразборчивое, Василько махнул рукой, подавляя желание наложить заклинание, отрастившее бы у слуги щупальца на подбородке, и поднялся по ступеням, где его уже ожидал слуга, проводивший Василько не в тронный зал, как тот ожидал, а в библиотеку.

Гремислав стоял у книжных полок, одетый в непривычно простую одежду – серую рубаху с белым поясом и темно-си-

ние широкие штаны. Он казался осунувшимся, словно за пару дней смог постареть на несколько лет.

– Ваше величество, – поклонился Василько у порога.

– Проходи и оставь пока церемонии.

Король махнул на кресло, приглашая Василько сесть, а сам опустился на мягкий диван напротив него. На лице Гремислава застыло странное выражение – с первого взгляда могло показаться, что король чем-то расстроен, но при ближайшем рассмотрении было очевидно, что это ложь. Он был в отчаянии.

– Что-то случилось, Ваше величество? – Василько опустился на край кресла и чуть склонил голову на бок.

– Каролина снова сбежала, – прохрипел Гремислав и откашлялся.

– Как она смогла?

– Одному Красноокому ведомо, – Гремислав поднял глаза к потолку. Знал бы он в этот миг, как оказался прав! – Стражник уверяет, что ничего не заметил. И что он не спал, разумеется. Какое заклинание ты наложил на темницу? Оно не сработало.

– Этого не может быть. Я использовал мощнейшие чары.

– Видимо, ты уступаешь в силе Ведамиру еще сильнее, чем я думал. Но, знаешь, я пригласил тебя не для того, чтобы спускать собак. Конечно, побег принцессы – это ужасно, но ее присутствие ничего бы не исправило. Да и я уже отправил на ее поиски людей. Мы вернем ее, это вопрос времени.

Сейчас важно другое – Этернарбос напал на нашу страну. Захватил Шард, а с ними и шахты, добывающие адаманты. Мы оказались не готовы.

– Если вы ожидали нападения, то почему не отправили в Шард армию?

– Она там была. Недостаточно сильная, как оказалось. Гонец принес весть о том, что среди воинов Этернарбоса большинство – маги. В то время как в наших рядах нет ни одного.

– Маги предпочитают не вмешиваться в политику.

– В политике им и не место. Но они должны помочь защитить страну. Я говорил Ведамиру об этом неоднократно, но он утверждал, что маги ни за что не станут нам помогать. Поэтому я и пригласил тебя.

– Не понимаю, Ваше величество.

– Собери армию магов, готовых сражаться за нашу страну. Но сделай это так, чтобы Ведамир остался в неведении.

– Вы так спокойно предлагаете мне предать учителя?

– предавать тебе не впервой, верно? – Гремислав чуть прищурился и склонил голову набок.

Василько, вопреки желанию, покраснел, но взгляда не отвел и продолжил смотреть в глаза королю.

– Я угадал? – продолжил Гремислав. – Ты не так прост, как кажется на первый взгляд. Помощник Верховного мага с непомерно большими амбициями. Я не могу больше доверять Ведамиру. Мне нужен маг, вставший на мою сторону. Кто-то, на кого я мог бы положиться. Кто-то, мечтающий о

большем. Тот, кому недостаточно должности младшего помощника.

– Даже я соглашусь, маги так просто не решатся защищать вас. Повторю, политика никогда не интересовала их. Даже в случае войны каждый способен защитить самого себя, а большего и не нужно.

– Мне кажется, ты смог бы придумать, как их уговорить. Если не получится сыграть на чувстве долга и страхе, испробуй иной шантаж. Выбирать не приходится – если Этернарбос выйдет за пределы пустыни и начнет продвигаться вглубь страны, мы не сможем устоять. Силы любой армии лимов не хватит для того, чтобы противостоять и сотне магов.

Василько встал на ноги и подошел к окну на ватных ногах. Мечтать о власти и оказаться втянутым в заговор против Верховного мага – не одно и то же.

– А что я получу взамен? – едва слышно прошептал Василько.

– Мою поддержку и место Верховного в будущем. Когда мы отстраним Ведамира.

– Если я займу место Ведамира, это в первую очередь будет выгодно вам. Верховный маг, поддерживающий короля, тот, которому можно доверять – разве не об этом можно мечтать?

– А я могу доверять тебе, Василько?

– Если я получу достаточно от нашего соглашения, то це-

ликом и полностью.

– Так чего же ты хочешь, будущий Верховный маг Иксарда?

Василько резко развернулся к Гремиславу и выпалил то, что крутилось в его голове уже давно.

– Руку принцессы Каролины.

Едва забрезжил рассвет, Каролина поднялась на ноги и двинулась в бесцельный путь. Ее живот сковало болезненное чувство голода, но пытаться снова развести огонь она не стала – руки все еще саднило.

При свете солнца Каролина оглядела себя и поняла, что перепачкалась кровью зайца. То еще зрелище. «Видел бы меня сейчас король», – подумала она и улыбнулась, но улыбка тут же сменилась стоном из-за внезапной боли в животе, вновь напомнившей о голоде.

Каролина заметила красные ягоды на деревьях, медленно подошла и оглядела их. «Ядовитые?» – промелькнуло у нее в голове. Прежде таких ягод она не встречала. Взгляд скользил по деревьям и вскоре остановился на знакомых листьях. Это было дерево облепихи. Некогда любимая ягода Каролины, которая обладала свойством ограничивать магические способности.

Сколько времени было потрачено даром из-за этого чая! Каролина сорвала лист и растерла его в руке, вдыхая свежий травяной аромат. Теперь, конечно, она могла не опасаться этого дерева – если способности утрачены, то и ограничивать нечего, – но по старой памяти она ощущала дрожь в коленях рядом с ним.

Ягоды облепихи еще не созрели – их время придет осе-

нюю, когда пожелтеет листва прочих деревьев. А другие неизвестные ягоды Каролина так и не решилась попробовать, предпочитая голод возможности отравиться.

Каролина медленно пробиралась по лесу, потирая живот, пока, наконец, не вышла на поляну, где зелень обрамляла озеро с такой прозрачной водой, что было видно дно. Каролина упала на колени и принялась жадно пить воду, которая, на удивление, была теплой.

Утолив жажду, Каролина огляделась – словно в лесу ее мог кто-то увидеть, – сняла одежду и медленно зашла в воду, смывая с себя пот, грязь и заячью кровь. Теплая вода внушала ощущения покоя и умиротворения. Больше не хотелось никуда бежать – лишь остаться здесь как можно дольше.

Вдоволь накупавшись, Каролина вышла на берег, прополоскала одежду, сложила ее на камень у воды сушиться, а сама легла на траву и вскоре уснула. Усталость взяла свое.

Проснулась она от звука чьего-то голоса, который становился все громче и громче. Каролина подскочила на ноги, надела одежду, которая не успела до конца просохнуть, и схватилась за арбалет. Через мгновение на поляну вышел парень, громко распеваящий песню.

– Только не убивай, – поднял он руки и широко раскрыл глаза.

– Если ты не причинишь вреда, то и я не стану, – отозвалась Каролина, но арбалет убирать не спешила.

– Я просто иду через лес в Гремиславград, – парень, не

опуская рук, медленно приближался к озеру.

– Путешествуешь один? Это опасно.

– Рядом с тобой я тоже не вижу бравой армии, – парень подошел к озеру, присел на корточки, зачерпнул ладонью воду и с наслаждением выпил ее. – Прошу простить мое невежество – жажда одолела.

– Все в порядке, – Каролина опустила арбалет.

Парень улыбнулся, откинул со лба светлые волосы и поднялся на ноги, смотря при этом в глаза Каролине.

– Так почему ты гуляешь одна в лесу? – чуть склонив голову на бок, спросил он. – Не боишься чудовищ?

– Пока еще ни одного не встретила.

– О, значит, тебе повезло. Я вот недавно сразился с лешим, который решил, что я слишком громко топаю.

Каролина еле сдержала смехок и чуть дернула плечом. Зато парень улыбался во все лицо, не прекращая смотреть на Каролину.

– И как, победил лешего? – Каролина прищурилась, сдерживая улыбку.

– Не-а. Сбежал.

Наконец Каролина не выдержала и стала смеяться в голос – впервые за долгое время. Вместе со смехом она, казалось, выплескивала из себя все плохое, накопленное за долгие месяцы.

– Давно не слышал такого задорного смеха.

– Я и сама забыла, как он звучит.

Каролина села на камень, где до этого сушилась ее одежда и поджала под себя ноги.

– Так куда держишь путь? – парень подошел ближе и сел на траву недалеко от нее.

– В ближайший город или деревню. Но, если честно, просто хочется уйти подальше от столицы.

– Говорят, там скоро придется несладко всем жителям.

– Ты о чем?

– Сам-то я не видал, но слыхал, что чудовища переполошились. Словно насытились неведомой силой и собираются ринуться в город. Скоро все изменится – охотник превратится в жертву.

– Что же это за сила такая?

– Такая, словно сам Красноокий пробудился и призывает на... на битву. Чудовищ, я имею в виду. Так что, то, что ты держишься подальше от столицы – это правильно.

Парень снова улыбнулся, а Каролина покраснела.

– Нет, я больше не могу на это смотреть, – прозвучал женский голос за спиной Каролины, и та резко обернулась.

У самой воды стояла старуха с длинными седыми волосами, в которых запутались водоросли и неестественно бледной кожей, словно она никогда не выходила на солнце.

– Ты кто? – спросила Каролина. Ее взгляд упал на ноги старухи – колени и ступни были вывернуты в обратную сторону, как у куклы, которую ребенок, играя, собрал неправильно. И тут же Каролина подскочила и схватила арбалет,

выставляя его вперед.

– Не от меня тебе следует спастись, – старуха протянула руку и длинным когтистым пальцем указала на нового знакомого Каролины. – Это волокита скрывается под обликом молодца.

– Что ты брешешь, старая? – отозвался парень.

– Я еще моложе тебя, увалень!

– Кто такой волокита? – Каролина, держа перед собой арбалет, приближалась к старухе.

– Покажи свои истинное обличие, – старуха махнула рукой и парень, не успев спрятаться, начал медленно менять облик на глазах Каролины.

Его красивые светлые волосы исчезли, руки, ноги и тело удлиннились, а лицо стало похоже на морду волка, лишенную волос.

– Спрятавшись под прелестными обликом, волокита влюбляет в себя девушек, чтобы потом съесть их пылающее страстью сердце. Но сегодня у тебя это не получится. Пошел прочь!

– Я тебе это припомню, старая, – прорычал волокита и пустился бежать в лес.

Каролина тяжело дышала, смотря вслед тому, кто мгновение назад был прекрасным юношей.

– Все обошлось, милая, – старуха незаметно подошла вплотную к Каролине и дотронулась до ее волос.

– А ты кто? – отшатнулась Каролина.

– Нас называют агуане, или морские девы, или вовсе болотницы.

– Ты не одна такая?

– Нас много. Мы защищаем озеро и бережем девушек, которых ненароком может кто-то обидеть. Часто ходим в ближайшую деревню – беседуем со стариками, помогаем мамочкам укладывать деток. Раньше и в столицу ходили. Но это было до того, как Верховный маг людей защитил город от таких, как мы.

– От чудовищ?

– Так вы нас величаете. Но только что это самое чудовище спасло тебе жизнь дважды. Сначала мы позволили тебе искупаться в наших водах и охраняли твой сон. А потом я прогнала волокиту. Стоит быть благодарной и наконец-то опустить оружие

Каролине не очень хотелось оставаться без защиты, но, повинаясь агуане, она опустила арбалет.

– Ты боишься меня. Напрасно.

– Я ничего не боюсь.

– Можешь пытаться обмануть меня, но не лги самой себе. Твое сердце скованно страхом. Пытаешься показаться сильной, но это напускное.

– Ты не можешь знать, какая я на самом деле.

– Конечно же нет, принцесса. Я могу лишь предполагать. Но мои предположения чаще всего оказываются верны.

– Ты знаешь, что я принцесса?

– Всего лишь предположила, милая. Всего лишь предположила.

Старуха махнула рукой и стала пятиться назад. Едва ее ноги коснулись воды, как она превратилась в прекрасную молодую девушку с длинными русыми волосами до пят и удивительной красоты синими глазами.

– Если хочешь успеть добраться до Гремиславграда до заката, следует поторопиться, – сказала агуане, показала рукой в нужную сторону и скрылась под водой.

Каролина стремглав бросилась бежать с поляны. Когда деревья закрыли от ее взгляда озеро, Каролина прижалась спиной к широкому дубу и на мгновение закрыла глаза. В тишине леса она услышала какой-то шорох и резко обернулась в сторону звука. На земле неподалеку от нее сидел волокита, вернувший себе человеческий облик. Он смотрел на Каролину снизу вверх и отчего-то усмехался. Теперь, когда Каролина узнала о его истинной сущности, его улыбка перестала казаться ей чарующей. Она напоминала оскал.

Каролина глубоко вздохнула и приблизилась к чудовищу.

– Все-все, можешь идти с добром, – отозвался волокита. – Старуха тебя сегодня спасла.

– Жаль, что только меня, – ответила Каролина, молниеносно сняла со спины арбалет и всадила болт в самое сердце волокиты, который, не успев промолвить больше ни звука, замятво упал на землю.

Красноокий смотрел на выжженный битвой город. Шард, прекрасный оазис, походил на руины. Многие дома разрушены, мощеные камнем дороги разбиты, а деревья, за которыми с таким трепетом ухаживали жители, повалены наземь.

На разбитых дорогах лежали тела жителей и тех, кто вторгся в их город. Первых было больше. Выжившие прятались по домам, молясь своим богам о спасении.

Город был пуст. Утомленные битвой воины спали – кто-то разместился в опустевших домах, другие наскоро соорудили навесы из копий и плащей и улеглись под ними. Красноокий медленно и бесшумно шел между ними и вглядывался в лица спящих.

Как сильно изменился мир за столетия, что пребывал он в небытие? Там, откуда он, иногда пробуждаясь от бесконечного сна, мог лишь заглянуть в мир живых. Похоже на, попытку рассмотреть дно реки сквозь мутную воду – различимы лишь очертания.

Приносимые ему жертвы дарили силы и пробуждение, в плату за которые он отвечал на молитвы просящих – посылал победу в битве или придавал уверенности в задуманном коварстве. Но все это было в пелене сна. Он не мог ни контролировать бодрствование, ни пытаться думать.

Привыкший к подобному существованию Красноокий те-

перь не знал, что ему нужно делать в мире, где он не ощущал себя на своем месте. Ведь все неузнаваемо изменилось за долгие годы.

Красноокий повернулся к восходящему солнцу, и вспомнил обо всех битвах, на которых побывал. Обо всех сражениях, что выиграл он или те, кто был под его началом. Сладостное чувство победы наполнило его сознание. Оно было таким ярким, что казалось почти осязаемым. Сколько раз уже он так взирал на рассвет с поля битвы?

Но кому принадлежала эта победа? Не все ли равно, если сила войны помогла возродиться? Красноокий глубоко вздохнул, втягивая сухой пустынный воздух и привычно взмахнул рукой – когда-то он носил с собой хлыст, наводивший трепет на людей и повергавший в ужас врагов. Символ силы, оплетенный шкурой убитого им аспиды, теперь был утрачен.

Красноокий негромко зарычал, не ощутив привычной тяжести оружия, и мысленно проклял провидение, благодаря которому воскрес без хлыста. Нужно его вернуть, чтобы вернуть силу, которой бог был некогда наделен. Но где теперь находится хлыст?

Красноокий открыл глаза и вновь окинул взглядом тела. Вскоре от них избавятся – сожгут на огромном костре, не позволяя провести церемонию прощания. Так всегда было, Красноокий это знал. Но сейчас тела лежали, похожие на огромные соломенные чучела, без намека на то, что накану-

не в них трепетала жизнь.

Одно из этих чувел начало шевелиться. Красноокий бесшумно подлетел и опустился рядом. Парень, негромко охнув, поднялся сперва на колени, а потом и выпрямился во весь рост, слегка пошатываясь. Красноокий узнал того, кто был в пещере в момент его воскрешения – Эней.

– Тебе повезло пережить битву, – сказал бог.

Эней облизал засохшие губы и, часто моргая, заглянул Красноокому в глаза.

– Мы проиграли, – прошептал он хриплым голосом.

– Это было неизбежно. Силы вашей страны недостаточно. Насколько глуп должен быть правитель, чтобы оставить город без вооруженной армии?

– Она была, – Эней кивнул на тело воина в королевской амунии, лежавшего неподалеку. – Слишком слабая.

Каждое слово давалось ему с огромным трудом. Из последних сил Эней взмахнул рукой, создал из ниоткуда кружку воды, поднес ее ко рту и с наслаждением выпил содержимое, с каждым глотком ощущая себя лучше.

– Ты мне должен помочь, – Красноокий дождался, пока Эней осушит кружку.

– Я не должен тебе ничего, – Эней отбросил кружку, и та растворилась в воздухе.

Красноокий взмахнул рукой, и Эней поднялся в воздух, неестественно выгибаясь назад. Он открыл рот, чтобы закричать от нестерпимой боли, но не мог проронить ни звука –

Красноокий лишил его голоса.

– Может быть так ты поймешь лучше, – Красноокий тоже поднялся в воздух, завис над Энеем и заглянул ему в глаза, с наслаждением взирая на боль, что тот испытывал. – Ты слишком слаб, чтобы хоть в чем-то мне отказать. Всего лишь человек.

Внезапно Красноокий отпустил Энея, и тот рухнул на землю, словно мешок, набитый песком. Красноокий мягко приземлился рядом.

– Начнем сначала, – Красноокий схватил Энея за волосы и поднял его голову. – Я буду говорить, а ты слушай. Пока я не умер, со мной всегда был хлыст. Наверняка, ты слышал об этом, раз меня причислили к богам. Сейчас я отчаянно нуждаюсь в нем. А если мне что-то нужно, то я это получаю. Поэтому, ответь на вопрос, где сейчас находится мой хлыст?

– Не знаю. Не имею ни малейшего представления, – прохрипел Эней.

Красноокий толкнул его голову и отпустил волосы. Эней едва смог удержать голову от удара. Он медленно поднялся и встал на колени – на большее сил не хватало.

– Так ты мне больше нравишься, – Красноокий обошел его кругом. – На своем месте, павший ниц. Кому из нашей Тройки ты молишься? Мне, или одному из моих братьев?

Эней молчал, следя за каждым шагом Красноокого. Он крепко сжал кулаки и стиснул зубы, готовясь к любому возможному исходу.

– Так где мой хлыст? – внезапно закричал Красноокий.
Удивительно, что от этого крика не проснулся весь город.
– Я не знаю. А знал бы – не сказал.

Красноокий вплотную подошел к Энею и положил свою руку ему на голову. В мгновение ока он узнал все, что знает Эней – увидел каждое его воспоминание, узнал о всех потаенных желаниях и надеждах. Узнал и о хлысте, что хранится в храме Тройки богов в Синевесте. Увидел и нечто еще.

– Так ты наследник трона? Твою семью предали и заставили бежать из столицы? Эней, милый мальчик, с этого нужно было начинать.

Когда его войско захватило Шард, король Этернарбоса Вневит, несостоявшийся жених принцессы Каролины, торжественно вошел в город, сопровождаемый отрядом из девяти магов.

Гремислав настолько глуп, что не приложил достаточных усилий для защиты города. Его стоило укрепить, выстроить каменные башни, поставить мощные стены, а не рассчитывать на то, что лучшей защитой станет непроходимая пустыня. Демоны песчанки, которые так запугали здешних магов, оказались не страшнее бестелесных призраков, давно утративших способность вредить кому-то кроме самих себя. Маги Этернарбоса были стократ сильнее.

– Какие потери? – спросил Вневит у главнокомандующего.

– Минимальные, Ваше величество. Семнадцать солдат.

– А со стороны противника?

– Двух магов взяли в плен. Среди погибших только лимы – пятьдесят четыре человека. Было еще нечто странное. Маг с красными глазами снял магический щит перед нашей армией и впустил нас в город. После забрался на крышу капитолия и наблюдал оттуда за битвой.

– Где он сейчас?

– Не могу знать! Он исчез после битвы. Его нет ни среди

живых, ни среди мертвых.

– Проклятье! Не хватало нам неизвестной силы мага, который еще и испарился.

– Мы его найдем, Ваше величество!

– Не сомневаюсь.

Для Вневита разбили шатер в самом центре Шарда. Размером с небольшой дом и украшенный флагами Этернарбоса, он казался едва ли не самым крупным сооружением в городе. Возможно, так и было.

В шатре, несмотря на жару в округе, силами магов было прохладно – заходя внутрь, Вневит невольно поежился. Хотя он и привык к различным погодным условиям, путешествуя вместе с войском, путь через пустыню утомил его.

Вневит достал из ящика бумагу, перо и чернила и сел за небольшой стул. Теперь, когда Шард был захвачен, король ощущал прилив умиротворения – он, наконец, получил то, что так давно хотел и более не ощущал желания продолжать конфликт.

Он задумал это с самого начала – завоевать город, а потом направить королю Гремиславу письмо с таким предложением.

«Отныне и навсегда город Шард и окружающая его пустыня будут принадлежать стране Этернарбос. Взамен мы, король Вневит, приносим нерушимую клятву прекратить начавшуюся войну. Наше войско останется за границей пусты-

ни, теперь принадлежащей нашей стране.

В плату за разрушения и понесенные вашей страной жертвы, мы будем передавать в казну Иксарда десятую часть найденных нами адамантов с этого дня.

Прими предложение, Гремислав. Ты знаешь, что в случае битвы не сможешь победить».

Вневит подозвал стражника, охранявшего вход в шатер, и велел ему привести гонца. Снарядив его письмом и приказом мчаться в столицу как можно быстрее, Вневит сел на неудобное кресло посреди шатра, откинулся на спинку и закрыл глаза, улыбаясь своим мыслям. Все должно было пройти удачно.

Весь день к нему приходили люди с известиями о том, что происходит в городе. Собрали все тела и подожгли их, позволив жителям забрать тела близких для того, чтобы проститься. Отправили разведчиков в шахты – проверить крепость стен и узнать больше о добыче драгоценностей. Маги начали восстанавливать разрушенные здания. Жители по-прежнему почти не выходили из укрытий, кроме того, чтобы проститься с погибшими.

– Местные боятся магии, – услышал помимо прочего Вневит. – Они смотрят на каждого обладающего силой так, словно пред ним демон во плоти.

– Они ведь поклоняются Тройке богов, среди которых покровитель магии. К чему бояться того, чем наделяет бог?

– У пустынников иная вера. Они обожествили те существа, что могут принести им пользу. Верят, например, что пятнистый двурогий пегас абада наделен божественной силой.

– Тот, которого они убивают ради целебных рогов? Как можно покушаться на божество?

– По их вере, абада приносит себя в жертву, и тем самым обретает божественность.

– Чудные люди.

– Большинство из них никогда не покидали пустыню. Целью их жизни стала добыча адамантов.

– Пожалуй, стоит показать этим людям настоящую жизнь. Вывести их за пределы ограниченного мира.

– Теперь, когда город принадлежит вам, вы вольны делать что угодно, Ваше величество.

А еще к Вневиту, поклонившись страже и склонив голову перед самым королем, пришла женщина, закутанная в платок.

– Меня зовут Нала, – подняла голову мать Шади. – Твои люди убили Сальму, наместника города. Поэтому я пришла от лица всех жителей, ибо больше никто не решился показаться тебе на глаза. Скажи, король, что будет с нами? С городом? С людьми? Теперь, когда ты захватил Шард, ты убьешь нас?

– Это ни к чему. Шард продолжит жить привычной жизнью. Жители будут добывать адаманты, которые теперь бу-

дут отправляться не в Иксард, а в казну Этернарбоса.

– Значит, не убьешь. Ты превратишь нас в рабов.

А вечером, когда городской шум стих, когда Вневит соби-
рался отходить ко сну, в его шатер, не обращая внимания на
охрану, вошел человек с глазами, сияющими красным цве-
том.

– Значит, ты – тот самый маг, что открыл перед нами воро-
та? – Вневит не стал выяснять, как Красноокий прошел ми-
мо охраны в его шатер – очевидно, что обладающего огром-
ной силой не остановит ничто перед достижением его цели.

– Я не просто маг, Вневит. Люди зовут меня Красноокий.
Богом разрушений. Я тот, кто вернулся из небытия, призван-
ный силой войны и магией крови.

– Ты для меня не бог. Мои Бессмертные боги иные. Те, чья
сила незыблема, вера в которых не подвергается сомнению.
Ты же – выдумка, в которую людям захотелось верить.

– Моя магия первородна!

– Бессмертные боги появились задолго до возникновения
магии! Покровитель жизни, Жио. Покровитель смерти, Соо.
Покровитель времени Вэо. И покровитель магии – Мао, со-
зданный силами остальных богов. Они одновременно раз-
личны и едины, как и все сущее, окружающее нас.

– Прекрати! – прошипел Красноокий.

Удивительно, но этот шепот показался стократ громче са-
мого отчаянного крика.

– Что тебе нужно? – Вневит невольно сделал шаг назад.

– Едва возродившись, я еще не вернул былую силу. Я слаб, словно младенец-лим.

С каждым словом Красноокий приближался к Вневиту, смотря прямо ему в глаза. Выдержать этот взгляд было так же сложно, как смотреть на палящее солнце, но король не отвел глаз.

– Я всего лишь хочу, – продолжил Красноокий, вплотную приблизившись к королю, – чтобы ты повел войско в Иксард. Чтобы продолжил войну.

– Шард отныне мой, я получил все, что хотел.

– Тебя предали, Вневит. Территория Шарда давно должна была принадлежать тебе. Гремислав не имел прав на владение ею. А еще он обещал отдать в жены принцессу, но не сдержал слово.

– Каролина сбежала.

– О, нет. Гремислав все это время прятал ее от тебя. Не хотел родниться с враждебной страной. Ты напал вовремя – Иксард готовил армию к походу в Этернарбос.

– Я тебе не верю.

Красноокий улыбнулся, поднял правую руку и ногтем большого пальца провел по верхней фаланге указательного. На пальце выступила кровь. Что-то шепча, Красноокий дотронулся окровавленным пальцем до лба Вневита. Тот чуть пошатнулся и замер, глядя в одну точку.

– Тебя предали, Вневит, – Красноокий наклонился к королю и стал шептать ему на ухо. – Ты должен продолжать

войну, чтобы вернуть свое доброе имя. Гремислав достоин смерти за все, что сделал. Ты лучший правитель, чем он, и заслуживаешь быть отомщенным.

Красноокий щелкнул пальцами и Вневит снова пошатнулся и огляделся по сторонам, как будто не понимал, где находится.

– Я уже послал гонца с предложением мира Гремиславу.

– Вот этого? – Красноокий махнул рукой, и под ноги Вневита из ниоткуда упала отрубленная голова мальчишки, которому он поручил доставить послание.

– Почему просто не отнял письмо? Зачем стоило убивать?

– Иногда гонцы знают текст перевозимых писем наизусть. На всякий случай. А вдруг и этот продолжил бы свой путь? Не стоит так рисковать, когда цена риска – это лишь человеческая жизнь.

– Ты прав, Красноокий. Во всем прав. Я продолжу войну с Гремиславом.

Агний, русалочий король, облаченный в белые широкие штаны, белую рубаху и золотой плащ, стоял перед воротами дворца Гремислава и требовал у стражи, чтобы его пропустили к королю. Агний почти не покидал озера, но, едва узнал, что его дочь Альдона убита, поспешил к королю, сжимая в руках арбалетную стрелу, которую вынул из тела принцессы подводного мира.

Последний раз магией преобразования он пользовался так давно, что едва смог вспомнить нужное заклинание. Агний боялся, что оно перестанет действовать раньше времени, и он не успеет сказать Гремиславу все, что должно.

– Прочь! – оттолкнул Агния стражник, охранявший врата во дворец Гремислава.

– Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь? – Агний сжал кулаки, едва сдерживая порыв обрушить на голову стражника водяной столб.

– Смахиваешь на городского сумасшедшего. Ходил тут давеча один – предлагал купить раковины улиток по полтиннику за штуку...

– Я Агний, король подводного мира! – его голос стал подобен грому, прозвучавшему в звенящей тишине. – Немедленно проводи меня к Гремиславу, морской ты плавунец!

Стражник замолчал, раскрыв рот и широко распахнув

глаза.

– Чем докажешь?

Агний взмахнул рукой и вокруг головы стражника образовался водный пузырь, похожий на хрустальный аквариум. Тот моментально стал трясти руками и хвататься за горло – как будто это могло помочь ему избавиться от окружавшей его воды. Агний оскалился, взмахнул рукой, и водный пузырь исчез.

– Теперь ты отведешь меня к королю, плавунец?

Гремислав был в библиотеке. Он разложил на столе огромную карту страны и вел пальцами по ее границе. Возле пустыни рука дрогнула и замерла. Только что из библиотеки вышли пятеро ближайших советников – пять теней, как их называли за глаза, – которые пытались прийти к единому мнению о тактике отражения наступления Этернарбоса. К единому мнению прийти не удалось, особенно после того, как король, взбешенный происходящим, едва не разнес в пух и прах все до единого предложения советников, убежденный в том, что без помощи магов победить не удастся. Гремислав сжал пальцы в кулак и ударил по изображенной территории пустыни. Если бы можно было таким образом избавиться от армии Этернарбоса, засевшей в ней!

– Ваше величество, прошу прощения! – в библиотеку, склонившись в глубоком поклоне, вошла служанка. – К Вам прибыл король подводного мира. Говорит, что ему нужно

поговорить с Вами.

– Агний? Пусть подождет меня в тронном зале.

– К чему лишние почести? – следом за служанкой в библиотеку вошел русалочий король. – Мы можем поговорить и здесь.

– Не очень-то вежливо, – сквозь зубы процедил Гремислав, глядя на то, как каждый шаг Агния оставляет за собой мокрый след. Его магия была несовершенна.

– У меня не было времени записываться на твою аудиенцию.

Агний подошел к карте и положил на нее арбалетную стрелу.

– Что это? – Гремислав поднял брови и скрестил руки на груди.

– Стрела, которой убили мою дочь! Мою Альдону!

– Что же ты от меня хочешь? Зачем притащил ее сюда?

– Судя по древесине и оперению, она принадлежала кому-то из королевского дворца. Воину, стражнику... не знаю! Хочу, чтобы ты выяснил, кто и зачем убил мою дочь.

Гремислав взял в руки стрелу и внимательно рассмотрел ее.

– Этот болт изготовлен из ясеня, стреловидная головка, оперение из махового пера бурби, насечки по всей длине. Похоже на тот, что используют мои солдаты. Но ни один из них не стал бы покушаться на русалку.

– Тебе ли не знать, что в мире постоянно случается то,

чему не должно быть? Гремислав, твой долг – помочь мне найти убийцу моей дочери.

– У меня на уме сейчас проблемы иного толка. И не говори мне о долге. По-хорошему я должен выдворять каждую русалку, что ступает на землю. И тебе самому здесь не место. Забыл условия мира?

Агний шагнул вперед, приближаясь к Гремиславу. Уж он-то помнил, чем закончилась история, которая едва не привела к потере большей части русалочьей популяции.

– Я прошу тебя, Гремислав, найди того, кому принадлежала стрела. Наш народ долгое время находится в угнетенном положении...

– Но ты, кажется, стал это забывать, – процедил Гремислав сквозь стиснутые зубы.

Он сморщил нос, внезапно ощутив резкий рыбный запах, присущий русалкам, даже сменившим облик. Агний выглядел жалким. Белоснежная кожа, глубокие тени под глазами и трясущиеся руки, которые, казалось, были готовы вот-вот от отчаяния вцепиться в горло Гремиславу.

– Гремислав, ты не можешь мне отказать. У меня нет власти на суше, в ином случае я бы сам отыскал тех, кто лишил меня моей жемчужины. Моей Альдоны. Я был бесконечно верен тебе все эти годы. И, насколько я знаю, именно моя дочь помогла найти твою принцессу, так что за тобой есть долг. Я ни за что не упомянул бы об этом, если бы не был в отчаянии. Мое сердце жаждет отмщения, я должен покви-

таться с убийцей, кем бы он ни оказался.

– Хорошо, – наконец сказал Гремислав, желая не помочь, а скорее избавиться от русалочьего короля. – Я попытаюсь найти того, что убил твою дочь.

Гремиславград нельзя было назвать большим или стратегически важным городом. Единственные изменения, которые с ним происходили, всегда были связаны с его названием. Долгие годы город носил название Новодолье – по названию реки Дол, протекавшей неподалеку. После захвата власти новой династией королей город стали именовать Властиславград в честь правителя. После его смерти, переименовали в Благоярное, вновь по имени короля. Под конец своей жизни король Благояр решил, что город стоит непременно переименовать и назвал его Лесянкой. И вот, после вхождения короля Гремислава на трон, город получил название в честь нового правителя, а жители обрели мечту, чтобы король провел как можно больше времени у правления – очень уж им не хотелось снова менять название на столбах при въезде в город.

По привычке держа спину ровно, несмотря на усталость, Каролина вошла в Гремиславград. Город, названный в честь ее отца и так точно отражавший его суть – мрачный и навевающий страх.

– Пирог с ягодами, индейкой, лепешки, пряники! – кричала торговка, проезжавшая на скрипящей телеге, которую тянула старая кляча, настолько худая, что казалось она вот-вот упадет без сил.

Каролина сглотнула слюну, почувствовав ароматы выпечки, и, не глядя на торговку, поспешила вперед. Но, как назло, телега двигалась по тому же пути, что и Каролина.

– Пряники, пироги сладкие, соленые! – продолжала кричать женщина, привлекая покупателей. – Деточка, купи пирожок, чай, вон какая тощая!

– Спасибо, я не хочу, – сквозь стиснутые зубы прошипела Каролина. В ее карманах не было ни одной монеты, даже медной смолки, которой можно было бы расплатиться за обед.

«Клячу бы свою покормила лучше», – Каролина сжала кулаки и, насупившись, пошла быстрее.

– Мои пироги волшебные, – не отставала торговка. – Съешь, и исполнится любое желание.

– Я сказала: не хочу! – Каролина резко развернулась к телеге и закричала так, что лошадь от испуга едва не вскочила на дыбы.

– Спятила совсем что ли?

Торговка хлестнула лошадь кнутом и поспешила прочь от Каролины, у которой от голода скрутило желудок так, что на мгновение ее посетила мысль о том, что нужно было оставаться в темнице во дворце – там хотя бы чем-то кормили.

Солнце клонилось к закату, постепенно становилось темно. Дождавшись, когда прохожих на улице не останется, Каролина забралась в ближайший огород и, озираясь по сторонам, вырвала с грядки две моркови и спрятала их за пазуху.

– А ну, пошла прочь отсюда! – в окне маленького дома показался силуэт мужчины. – Ишь чего удумала! Иди, а то собак спущу!

Дважды повторять не пришлось. Со скоростью молнии, бьющей в дерево на лугу, Каролина бросилась бежать, прижимая к себе украденные овощи.

Когда опасность миновала, Каролина остановилась перевести дух и решить, куда ей идти. У нее не было денег, чтобы отправиться на постоянный двор. Оставалось лишь ночевать на улице, найдя подходящее укромное место. Но и это вариант осложнился – с неба начали падать капли начинающего дождя.

«Желтоокий, смилуйся», – Каролина закрыла глаза и от отчаяния прикусила нижнюю губу так, что на ней выступила кровь. Но, возможно, ей в очередной раз стоило выбрать другого бога для молитвы? Того, чья помощь была на самом деле ощутима.

Город погрузился во тьму. Единственными яркими пятнами оставались огни в окнах домов, и Каролина была в таком отчаянии, что едва не начала стучать в двери в надежде спрятаться от дождя.

Одно строение выбивалось из череды домов. Оно было круглое, высокое, увенчанное остроконечной крышей. Каролина тут же вспомнила часовню Желтоокого бога, которую они посетили с Никостэрионом перед расставанием. Наверняка, это было нечто подобное.

Каролина прибавила шаг и вскоре оказалась на пороге. Дверь была открыта, и девушка без препятствий зашла внутрь. Как раз вовремя – в ту же секунду, как ее ноги переступили через порог, дождь хлынул стеной.

Это место не было похоже на часовню Желтоокого – оно принадлежало другому богу. Каменные стены украшала роспись – сцены битв, увитые алыми цветами, из которых сочилась кровь. А на стене напротив входа было изображение бога, которому здесь полагалось поклоняться – Красноокого. Глубоко вздохнув, Каролина прошла вперед.

В часовне было почти пусто. Лишь у стены мужчина, облаченный в длинный красный плащ, зажигал свечи, которые стояли в небольших нишах на стенах.

– Могу я переждать здесь непогоду? – спросила Каролина.

– Красноокий всегда рад прихожанам. Неважно, каким образом занесло их к нему, – отозвался мужчина, не оборачиваясь.

Расценив это как позволение, Каролина увидела небольшую скамейку у дальней стены, села на нее, достала из кармана морковь, обтерла ее об рубаху и, сдерживая желание съесть ее за два укуса, потихоньку стала отгрызать по кусочку, надеясь, что хруст не донесется до уха мужчины в плаще.

– Ты голодна? – внезапно спросил он.

– Нет, – отозвалась Каролина с набитым ртом.

– А почему тогда так жадно ешь украденную морковь?

Каролина закашлялась, а мужчина медленно подошел к

ней и протянул руку.

– Я тебя не осуждаю. В конце концов, мы в храме Красноокого. Кому, как не ему понимать, что ради выживания человек способен на все. Тем более на столь мелкий проступок – воровство. Пойдем, дитя, я накормлю тебя горячим ужином.

Мужчина привел Каролину в небольшую комнату за алтарем, где, по-видимому, он жил сам. У стены стояла маленькая кровать, похожая на лавку, рядом небольшой стол, над которым висело изображение Красноокого. В другом углу была маленькая печь, которая отапливала комнату, и на которой он готовил.

– Садись, – кивнул он на стул. – Кажется, твое сердце отчаянно нуждается в отдыхе. Сегодня ты можешь остаться здесь, в безопасности.

Мужчина поставил перед Каролиной тарелку с тушеным картофелем и мясом, от которых шел пар, кружку с молоком и положил ломоть хлеба.

– Ешь.

Дважды повторять не пришлось. Сходившая с ума от голода Каролина вмиг съела все, что было перед ней, забыв о правилах приличия и этикете, которым ее обучали во дворце. Эта пища показалась вкуснее всего, что она ела в своей жизни.

– Спасибо, – сказала она, допивая молоко.

– Теперь можешь отдохнуть, – мужчина кивнул на свою

кровать. – Этой ночью ты будешь в безопасности.

– А как же ты?

– Сегодня я не собирался спать. Эта ночь посвящена молитве Красноокому. У меня перед ним есть неоплаченные долги.

– Постой, – Каролина крикнула, когда мужчина уже был на пороге комнаты. – Как тебя зовут?

– Ера, – отозвался он и вышел из комнаты.

Клетка давила на Никостэриона. Уже слишком долго он был заточен, и единственной его компанией была Яся, сидевшая в такой же клетке. Один раз в день им давали еду и воду, в иное время посетителей не было.

Никостэрион и Яся почти не разговаривали. Лишь однажды у них завязалась беседа о принцессе – Никостэрион рассказал, что три года она жила на его острове, а Яся рассказала, что эти самые три года провела под заклятием Драговита, чем привела Никостэриона в дикий восторг – очень уж ему понравилась идея с подобным перемещением во времени.

Никостэрион пытался медитировать, чтобы перенести свое сознание в лесную хижину, где прежде он наполнялся силой. Но, сдерживаемый клетью, он едва ли мог это сделать. Яся же не оставляла мыслей о побеге. Она ждала, что очевидное решение, не пришедшее в голову ранее, внезапно объявится, и желанная свобода забрезжит перед ней.

Сегодня Яся проснулась оттого, что слышала крик Никостэриона. Она резко села и огляделась, словно пыталась понять, где находится.

Никостэрион стоял на коленях и, вцепившись в решетку клетки, тряс ее изо всех сил.

– Что произошло?

– Выпустите меня! – кричал Никостэрион.

Никостэрион кричал, словно вмиг обезумел. На его шее проступили вены, он тяжело дышал, словно страдая от нехватки воздуха, и дрожал всем телом, будто им овладела лихорадка.

– Никостэрион! – закричала Яся.

Звучание собственного имени словно привело мага в чувство. Он отпустил решетку и медленно повернулся к Ясе. Его лицо казалось иссушенным, словно у старика на смертном одре, а глаза безумными, как у сраженного проклятием.

– Что с тобой?

– Я видел их, – горло Никостэриона пересохло, оттого его голос звучал безжизненно.

– Кого?

– Жену и дочь. Они приходили ко мне.

– Никостэрион, это всего лишь сон...

– Нет! – откуда-то в его голосе снова появилась мощь. – Это был не сон! Магия пустыни и Этернарбоса может их вернуть. Они мне сказали.

– Это сон. Или дикая иллюзия. В пустыне нельзя верить тому, что видишь. Особенно, если видение пришло в плену врага.

– Ты не понимаешь, это было слишком реально.

– Как и прочие иллюзии.

– Это не было иллюзией! Зо и Лида говорили со мной. Они сейчас по ту сторону, там же, где долгие годы прозябал Красноокий. Но у них получилось выбраться, чтобы сказать,

что у меня все еще есть шанс вернуть их, – Никостэрион со стеклянным взглядом смотрел перед собой, не видя клетки. Его мысли были далеко за ее пределами.

– Послушай меня, – Яся хлопнула в ладоши, привлекая внимание. – Тебя пытаются обмануть. На свете нет магии, способной воскрешать мертвых.

– Много ли ты знаешь о магии, женщина? Своим разумом ты не можешь постичь и крупицы дозволенного.

– Подумай о том, сколько магов положили жизни на то, чтобы вернуть погибших, – Яся даже не обратила внимание на то, что ей снова несправедливо указали на слабость женского пола. – Неужели ты хочешь оказаться одним из потерпевших неудачу?

– Нет. Потому что я смогу сделать это. Мне всего лишь нужно выбраться отсюда. Эй! – снова закричал Никостэрион, заставив Ясю вздрогнуть. – Мне нужно поговорить с вашим правителем!

– Трать силы, если угодно. Твоя затея обречена на провал. Не слушая Ясю, Никостэрион отчаянно кричал, пока не выбился из сил. Тогда он прижался спиной к решетке клетки и склонил голову, словно признавая поражение.

– Отпусти их, – Яся тихо прошептала эти слова, но в полной тишине они были подобны грому. – Столько лет прошло.

– Разве имеет значение время, когда речь идет о любви? Что ты можешь в этом понимать?

– Действительно, мои потери – ничто, в сравнении с тво-

ими.

Никостэрион не уловил в словах Яси иронии. Либо не придал ей значения.

За все время в заточении Яся и Никостэрион потеряли счет времени. Утро сейчас или вечер? Или вовсе глубокая ночь? Все, казалось, слилось в единое время суток, не разделяемое ничем, кроме усиливающегося чувства отчаяния. Как долго их продолжают держать взаперти? Почему сразу не убили? Столько вопросов без ответа!

Никостэрион, казалось, спал. Яся высунула одну ногу из прутьев клетки и болтала ею в воздухе, словно пребывание в ней приносило ей удовольствие. Внезапно внизу у входа в пещеру раздался шорох, заставивший Ясю и Никостэриона одновременно прильнуть к решеткам. Внизу стоял мужчина, облаченный в широкие коричневые штаны и рубаху, слишком простые для особы, надевшей их.

– Меня зовут Вневит, – громогласно представился вошедший. – Я король Этернарбоса, страны, что отныне владеет пустыней и всем, что находится в ее недрах. Полагаю, вы догадались, что находитесь в моем плену.

– Ну уж точно поняли, что не в гостях на постоялом дворе, – Яся пожалала плечами и закатила глаза.

– С королем стоит разговаривать с большим почтением, – Вневит поднял бровь и, чуть склонив голову, посмотрел на Ясю, которая, против воли залилась румянцем.

– Почему вы держите нас в клетке как пойманных бесов? – Никостэрион слабо ударил по прутьям решетки.

– Иначе не получилось бы сдержать вашу магию. Прошу прощения, хотелось перестраховаться.

– Сколько дней мы здесь? – не слушая короля, спросила Яся.

– Солнце взошло дважды.

– Как долго еще пробудем взаперти? И что вам от нас нужно?

– Слишком много вопросов! Вы сможете покинуть клетки сегодня же, если согласитесь помочь.

– В чем же?

– Отчего-то мне кажется, что вы, маги Иксарда, обладаете знаниями, которые окажутся для меня полезными.

– Я не маг Иксарда, – прошипел Никостэрион.

– О, да, я знаю. Ты живешь на острове Сотирас и считаешь, что не имеешь к столице никакого отношения. Но, увы, рожденный принцем не сможет стать черным.

– Откуда ты...

– Я знаю многое, Никостэрион. Например, о боли, которую ты испытываешь каждый день, думая о тех, кого не смог уберечь. Зо и Лида, верно? Твоя жена и дочь, слишком рано встретившие смерть. Я могу помочь вернуть их.

– Он лжет! – закричала Яся, заметив, как сверкнули бордовым глаза Никостэриона. – Не слушай его!

– А ты, – Вневит повернулся к Ясе, – хотела бы вновь

встретиться с Шади?

Сердце Яси на миг замерло, а затем начало биться с утренней силой. Она знала, что Вневит блефует, но не могла прогнать призрак надежды, возникший из-за слов короля.

– Я давно его отпустила и не питаю иллюзий.

– Будь по-твоему. Я всего лишь даю выбор: жить, присоединившись ко мне, или умереть в клетке.

– Под началом захватчика обещанная свобода станет сто- крат хуже клетки.

– Ты так верна Гремиславу?

– Не ему. Себе. Я не стану помогать тебе, Вневит.

– Как знаешь. Никостэрион, а что скажешь ты? Готов ли ты присоединиться ко мне, взамен на свободу и жизни любимых?

Вневит взмахнул рукой, клетка Никостэриона распахнулась, он вылетел из нее, подобно тряпичной кукле, и приземлился на колени перед Вневитом.

– Как ты сможешь их вернуть? – Никостэрион, обессиленный от пребывания в плену, поднял голову и снизу вверх посмотрел на короля.

– Магия Этернарбоса сильна. Вы не имеете ни малейшего представления о том, на что она способна. Сила ваших богов меркнет перед настоящими умениями, способными даровать свободу и лишать ее в мгновение ока. Наши боги научили нас некромантии. Это непросто и требует невероятного мастерства, но ради благой цели возможно.

– Не слушай его! – закричала Яся. – Он лжет! Их ничего не вернет!

Вневит взмахнул рукой, и Яся не смогла больше выдать из себя ни звука – король лишил ее голоса.

– Что ты хочешь взамен? – прошептал Никостэрион, не обративший внимания ни на крик Яси, ни не лишение ее голоса.

– Ты знаешь столицу, знаешь короля и защищающего его мага. Помоги мне справиться с ними, получить трон Иксарда. И я верну тебе семью. Что скажешь, Колояр?

Глаза Никостэриона вновь сверкнули бордовым цветом при упоминании его настоящего имени, которое сам он не произносил вслух долгие годы. Он медленно поднялся на ноги и, заглянув в глаза Вневиту, сказал:

– Я отказался от этого имени в день, когда они погибли.

– Привыкай. Скоро Зо и Лиля вернутся, и ты станешь тем, кем был.

– Колояра больше нет. Неважно, встречусь ли я с ними, или останусь в одиночестве. Я Никостэрион. Воин. Охотник. Завоеватель. Я избрал иной путь в день, когда их не стало. Но ни под одним из своих имен я не собираюсь помогать тебе.

Вневит прищурился и сжал кулак. Тело Никостэриона выгнулось как струна, и тот истошно закричал. Яся закрыла ладонями уши, чтобы не слышать его вопль отчаяния.

– Подумай хорошо, маг. Я просил по-доброму, но ведь могу и заставить. Ты встаешь на защиту тех, кто презирает те-

бя. Защищаешь брата, который погубил твою семью? Или короля, что вместо тебя правит страной?

– У меня еще остались принципы, – прошипел Никостэрион, пытаясь совладать с болью.

– Скоро от них не останется и следа, – Вневит опустил руку, и Никостэрион рухнул на землю. – Стража! Надеть на него магические кандалы и доставить в шатер. Нам есть, о чем поговорить.

Кровать Еры была неудобной, жесткой и соответствовала аскетичному образу жизни владельца. Но для принцессы она казалась мягче любой перины.

Когда Каролина проснулась и вышла в зал часовни, то застала Еру на коленях перед изображением Красноокого бога. Неужели он провел так всю ночь?

Она негромко покашляла, чтобы привлечь внимание, но Ера был поглощен общением с богом. Лишь через четверть часа он поднялся с колен. Все это время Каролина прогуливалась по часовне и рассматривала изображения на стенах.

– Какому богу ты молишься? – Ера бесшумно подошел к принцессе и остановился рядом.

– Я запуталась. Те, в кого я верила, оставили меня. И лишь тот, чьей милости я не ожидала, однажды спас меня.

– Ты говоришь о Краснооком? Самый могущественный из Тройки.

– Разве их силы не соразмерны друг другу?

– Считается, что это так. Но у Красноокого было то, чего не было у других братьев.

– Что же это?

– Способность добиваться своего, чего бы это ни стоило. Любые жертвы, крайние меры. То, на что не пойдут иные.

– И этому вы поклоняетесь?

– Его уверенность и сила того стоят.

Каролина дотронулась до изображения на стене, ощутив под пальцами шершавую поверхность краски. Перед ней был рисунок, на котором толпа пала ниц перед богом, стоящим на возвышении.

Теперь она в долгу перед Краснооком, что бы это ни значило. Он помог ей сбежать, и будет ожидать чего-то взамен. Стоило ли теперь бояться его? Или, подобно людям на изображении, преклоняться ему?

– Тебе стоит посетить Храм Тройки богов в Синевесте. Там ты сможешь понять, кому из богов стоит поклоняться. Это особое место, где чтят каждого в равной степени. Величайшее строение в форме трех полусфер, слитых воедино. Каждая часть храма принадлежит одному из богов, но все они составляют единое пространство, знаменующее целостность и нерушимость их сил.

– Кажется, я что-то слышала об этом храме, – Каролина нахмурила брови, вспоминая, как отец рассказывал о нем. Именно там он, кажется, предпочитал приносить жертвы Красноокому перед сражениями. – Только не помню, что именно.

– Возможно, ты слышала о безумном жреце, что некогда служил там. Отголоски этой истории раздавались повсюду.

– Безумном? – Каролина, до сих пор водившая пальцами по стене, отдернула руку, словно ее пронзила молния.

– Его звали Ута, и он был одним из жрецов Тройки. Каж-

дому богу он воздавал честь, помогал найти истинный путь заплутавшим и нес божественные знания. Но постепенно он стал изучать все более странные рукописи, описывающие жизни богов. Кажется, особенно его интересовал Красно-окий. С каждым днем Ута становился худее, бледнее и слабее. Надолго уходил в себя, закрывался днями в собственной комнате и говорил, что вот-вот постигнет величайшую мудрость.

– Что с ним стало? Он умер?

– Нет, – Ера покачал головой. – Но лучше бы умер. Однажды во время службы он повелел прихожанам отдать ему свою кровь.

– Что?

– Во время проповеди Ута начал бредить. Говорил, что боги открыли ему возможность обрести магию. И что для этого ему необходима кровь. А потом начал смеяться, на глазах у всех достал длинный нож и распорол кожу на своей руке. Оттуда выступило лишь пару капель крови, хотя из такой раны должно быть куда больше. Прихожане испугались и бросились врассыпную из Храма. Бедные люди – увидеть, как человек сходит с ума малоприятное зрелище.

– И что случилось со жрецом?

– Его изгнали из Храма. И о дальнейшей судьбе Уты ничего не известно. Но говорят, что ту пару капель крови, что упали с его руки, до сих пор никто не в силах оттереть с пола.

«Ута... Ута...», – мысленно повторила Каролина, чтобы

запомнить.

– Ты думаешь, он бредил?

– Конечно. Ута не обладал магией, но мечтал ее обрести. Вот и внушил себе, что ему в этом поможет людская кровь. Но на самом деле, если в человеке не живет магия, то ничто не сможет помочь ему обрести ее. Даже легенда о горе Монсмагэтмортис – лишь сказка для наивных лимов.

«Магия на крови, – подумала Каролина. – Та, что помогла сбежать. Та, что показал Красноокий. Возможно, Ута смог овладеть ею?»

Каролина помотала головой, чтобы отогнать мысли о Краснооком и, чтобы отвлечься, спросила:

– А ты, Ера? Ты обладаешь магией?

Ера переступил с ноги на ногу и поджал губы.

– Обладаю, – наконец ответил он, не смотря на Каролину. – Но моих сил недостаточно для того, чтобы добиться успеха. Я всего лишь могу считывать эмоции, да владею парой простых заклинаний. То, что нужно, чтобы стать жрецом, и мне этого достаточно.

Никостэрион был привязан к столу из облепихового дерева прочными веревками, созданными чарами самого короля Вневита. Он лежал посреди шатра, созданного – какая честь! – специально для него. Магия не могла освободить Никостэриона – заточенная в его теле сила словно сжалась в невидимый шар и распирала его изнутри, не в силах преодолеть мощь сдерживающих ее оков.

Король Этернарбоса был искушенным любителем пыток – то, что правители предпочитают доверять своим верным палачам, он любил делать сам. Вневит испытывал на пленных пугающие чары, некоторые собственного изобретения, заставлял их мучиться и страдать, чтобы получить то, что желал больше всего.

В этот раз ему нужны были тайны столицы – сведения о короле, о Верховном маге, о чарах, что защищают город. В идеале он мечтал заполучить Никостэриона в роли своего союзника, но с потерей последнего он был готов смириться.

Вневит взмахнул руками, и Никостэрион ощутил такую боль, которую мог бы испытать человек, разом ломающий все кости в своем теле. Удержать крик было невозможно, и изо рта пленника вырвался чудовищный нечеловеческий вопль.

– Мы можем прекратить прямо сейчас, – Вневит держал

руки над Никостэрионом, причиняя ему невыносимые страдания. – Всего лишь согласись присоединиться ко мне.

На миг боль угасла, и Никостэрион заглянул в глаза своему палачу, словно ожидал увидеть там проблеск надежды, но вместо этого увидел лишь взгляд, охваченный яростью.

– Чтоб тебя бес сожрал, ирод! – Никостэрион плюнул во Вневита, но промахнулся, ослабленный после сотни перенесенных заклятий.

– Как можно быть настолько верным своему королю? Что Гремислав сделал для тебя, что ради его спасения ты готов умереть? В вашей стране маги находятся в угнетенном положении, вы не имеете права бороться за власть, живете в тени, словно помойные крысы. В Этернарбосе же маги принимают судьбоносные решения, помогают лима и стоят на вершине иерархии. Так почему ты не хочешь стать одним из тех, кто говорит, как следует жить?

– Король, возвеличивающий только одно сословие, не может быть хорошим правителем. Неважно, кто в Этернарбосе принимает решения – лимы или маги, – главное, что и у вас есть те, кого вы загнали под свой каблук.

Ответом на это высказывание послужила очередная порция боли – на этот раз Никостэрион ощутил, словно кто-то прижал раскаленный прут к его груди.

– Наши маги сами отказались от возможности править, – прошипел Никостэрион, когда невидимый прут отделился от его тела. – Но тебе, наверное, нелегко смириться с мыслью о

том, что не все хотят власти.

– И это говорит человек, который пытался свергнуть короля и Верховного мага?

Вневит, как и прочие, верил в историю о том, что сто пятьдесят лет назад Ведамир остановил бунт Никостэриона, умирил его, нечаянно вызвав изменения, из-за которых и возникла пустыня. И знать о том, что произошло на самом деле, ему не полагалось.

– У меня были причины пойти против Ведамира.

– Так отчего не освежить их в памяти и не пойти против него сейчас?

Никостэрион закрыл глаза и в очередной раз увидел, как на его глазах из-за Ведамира погибает его дочь. Увидел, как умирает его жена – единственная любовь в целом мире. И, как и прежде, понял, что, не смотря на всю боль и желание избавиться от Ведамира, навредить ему он был не в силах. Как и в предыдущие попытки эта затея обречена на неудачу.

Горло драло от подступающих слез отчаяния, но Никостэрион смог найти силы, чтобы прошептать:

– Слишком много воды утекло.

– Всего лишь скажи, – Вневит склонился над ухом Никостэриона, – какими чарами окружена столица? Как именно Ведамир охраняет жителей? Какое время сможет прожить осажденный город? И кто явится на его защиту? Я все сделаю сам – избавлю вашу страну от тирании Гремислава и Ведамира.

– Какая разница, чья рука держит хлыст, стегаящий спины скота?

Разъяренный Вневит, словно забыв об умении колдовать, сжал кулак и ударил Никостэриона в челюсть, впервые, до-трагиваясь до него.

– Не магией единой, – Никостэрион улыбнулся и выплюнул кровь. – Значит, ты не боишься замарать свои королевские руки.

– Я не боюсь ничего, – Вневит ударил Никостэриона снова, приводя в восторг Красноокого бога, который с самого начала беседы невидимкой стоял рядом с Никостэрионом.

Бог впитывал боль и страдания мага, наслаждаясь развернувшейся перед его взором сценой пыток – все это напывало его силами, столь необходимыми после воскрешения. Красноокий следил, как его план воплощается в жизнь – посеять хаос, посорить правителей и сильных мира сего означало обретение бесконечного источника энергии, атмосферы разрушений, питавшей собой бога. И в этом плане на Вневита Красноокий возлагал большие надежды. Впрочем, ему было все равно, кто одержит победу в будущем, главное, чтобы война продолжалась как можно дольше.

Никостэрион больше не кричал. Его тело, не в силах привыкнуть к боли, стало отрицать все возможные чувства – так случается в момент особых потрясений. Но после самого острого пика вся боль, что осталась неслышанной, должна была навалиться разом.

Вневит отошел на несколько шагов и ладонью утер пот со лба, не сводя взгляда с пленника. Никостэрион лежал не шевелясь, и лишь его открытые глаза и вздымающаяся грудь давали понять, что он еще жив.

– Пожалуй, стоит прерваться. Иначе я так того и дело помрешь раньше времени. Не знаю, что может разговорить тебя. А что если мне прямо сейчас воскресить Зо и Лилу и на твоих глазах начать отрезать у них по кусочку? Получив желаемое, ты тут же его лишишься. Как тебе подобное, Колояр?

Никостэрион отчаянно закричал, Вневит вышел из шатра, оставляя пленника, как он думал, в одиночестве. Но тот не был один. Не в этот раз. Красноокий снял с себя чары невидимости и предстал перед Никостэрионом, который, казалось, даже не удивился появлению бога. Больше его ничего не могло удивить.

– Раз ты заглянул, может освободишь меня заодно? – Никостэрион напряг мышцы, словно хотел разорвать веревки. – Или ты решил продолжить начатое Вневитом?

– Ни то, ни другое. Мне, признаться, все равно, что с тобой будет.

– Значит, ты пришел отблагодарить меня за свое освобождение?

– Если бы ты хотел воскресить именно меня, то так бы я и поступил. А так, мое возвращение – лишь побочный эффект от твоего потерпевшего фиаско заклятия. Стоило изучить инструкцию к Спекулу, прежде чем хвататься за столь

мощный артефакт.

– В любом случае, ты в выигрыше.

Красноокий развел руки и улыбнулся.

– Кому из нашей тройки ты поклоняешься, Никостэрион? Я бы сказал, что, подобно всем магам, ты трепещешь перед Синеоким, но о твоей жестокости ходят легенды, так что, возможно, ты приносил жертвы мне?

– Неужели теперь это имеет значение? Хочешь потешить свое самолюбие?

– Действительно, значения это не имеет никакого. Отныне всем стало очевидно, кто в этом мире истинный бог. Но ответь мне на вопрос: правдива ли та легенда, что утверждает, что мой хлыст покоится в Храме Тройке богов? Ты должен это знать, маг.

– Я бывал в Храме. Видел и засохшее дерево – символ твоей разрушительной силы, и хрустальный ящик, стоящий под его сенью, и, конечно же, хлыст, наделенный, по слухам частью твоих сил. Я пытался его выкрасть, но охраняется он лучше, чем голова нашего короля.

Красноокий рассмеялся.

– В твоих руках он стал бы бесполезной безделицей. Лишь тот, в ком течет кровь первородных богов, смог бы им воспользоваться – то есть я сам. Значит, то, что я узнал от того парня – правда. Хлыст в Синевесте. Спасибо, Никостэрион, – Красноокий кивнул магу. – Помни тот миг, когда тебя лично благодарил истинный бог.

– От твоей благодарности нет ни малейшего прока.

Никостэрион снова заерзал на столе, безуспешно пытаясь освободиться.

– В конце концов, какой я бог, если не дарую благо?

Красноокий щелкнул пальцами, и веревки, связывавшие Никостэриона, исчезли. Не веря своей удаче, маг вскочил на ноги, едва не упав на пол от слабости, и кивнул Красноокому, не в силах сказать «спасибо».

– И еще, – Красноокий сверкнул глазами. – В капитолии есть чан с целебной водой. Умойся ею, прежде чем продолжишь свой путь. Воистину, сегодня я призван творить благо.

– Скажи, а правда, что магия Этернарбоса способна вернуть мою семью?

Но Красноокий посмешил раствориться в воздухе и оставил главный вопрос без ответа.

Яся вновь проснулась от крика. На этот раз от своего собственного. Ей только что впервые приснился Эней. Он стоял посреди огненного столба и не мог выбраться наружу. Едва Яся приближалась к нему, от столба отделялись языки пламени и норовили опалить ее кожу.

Тяжело дыша, Яся схватила за горло и прошептала:
– Голос вернулся?

Сколько времени прошло с момента, как стража увела Никостэриона? Час? День? Неделя? Как долго она пробыла в заточении? И где, бес его дери, сейчас Эней? Его образ был перед глазами, но Яся боялась признаться самой себе, что тревожится о нем.

Яся ощутила покалывание в кончиках пальцев. Так, словно она снова может колдовать. Возможно ли, что заклинание, сдерживающее ее силу, перестало действовать?

– Крепис! – крикнула Яся, но ничего не произошло.

На мгновение закрыв глаза, Яся увидела образ Энея, сходящего с ума посреди пламени. Она чувствовала, что с ним что-то случилось, и больше не могла оставаться спокойной. Магия родственных душ, или иные силы, но сердце Яси отчаянно стремилось к нему – это были те самые чувства, которые она отрицала долгое время.

А что, если действительно, ее силы сейчас сдерживались

лишь клеткой из облепихи? Что если, сломав ее, Яся сможет колдовать?

Яся легла на спину и ударила ногами по прутьям. После нескольких ударов хрупкая древесина треснула, и Яся смогла выломать несколько прутьев. Она села на край и свесила ноги. Клетка накренилась, и Яся едва не упала, но вовремя успела схватиться за решетку.

– Крепис! – прошептала Яся, но заклинание вновь не сработало.

Либо сдерживающее заклинание не перестало действовать, либо ее силу ограничивала проклятая облепиха. Сердце билось учащенно, грозясь вот-вот выпрыгнуть из грудной клетки. Руки дрожали, а лоб покрылся испариной пота.

– В конце концов, нет разницы, погибнуть сейчас, если я ошибаюсь, или через несколько дней в клетке.

Яся глубоко вдохнула, как перед погружением под воду, разжала руки и выпрыгнула, отчаянно веря, что, оказавшись вне клетки, сможет колдовать. Что чутье ее не обмануло, и силы действительно вернулись.

Яся летала сотни раз. Она обожала ощущение полета, пусть оно и отнимало так много сил. Ветер, ласкавший кожу и сладостное чувство невесомости и легкости. Но в этот раз полет был иным – неконтролируемое свободное падение вниз, которое должно было закончиться отнюдь не по воле мага.

«Ошиблась?» – подумала Яся и, сделав очередное усилие,

остановила падение и зависла в воздухе. Но радоваться не было сил – нужно подниматься наверх. Туда, где был вход в пещеру.

Рывками, стараясь вложить в каждый как можно больше сил, Яся поднималась вверх. За несколько дней в плену она ослабла, и путь, который она могла преодолеть за пару мгновений, занял несколько минут.

Поднявшись наверх, Яся упала на землю и громко рассмеялась. Так, словно уже оказалась на свободе.

– Наконец-то, – слышала она голос.

Яся подняла голову и увидела Красноокого, стоявшего в двух шагах от нее. Его глаза горели красным, а бледное лицо венчала улыбка, пугавшая своей неестественностью.

– Пришел меня добить?

– Если бы я хотел, ты была бы уже мертва, – голос Красноокого, как отметила Яся, звучал теперь более уверенно. Так, словно за несколько дней он успел набраться сил. – Я всего лишь наблюдал.

Яся медленно поднялась на ноги. Красноокий был на две головы выше нее. Он казался несокрушимым, могучим, словно вековой дуб. Воистину, это был сам бог. Жестокий, кровожадный и не знающий пощады. Впервые за долгое время Ясе стало страшно и захотелось раствориться в воздухе, лишь бы избавиться от этого пронзительного взгляда красных глаз.

– Что тебе нужно? – Яся вложила все оставшиеся силы,

избавляясь от неминуемой дрожи в голосе.

– Знаешь, я должен был бы поблагодарить тебя за мое восхождение. Твоя кровь, даже взятая против воли, стала катализатором магии. Ты вернула мне жизнь, заставила тело и дух вернуться из небытия. Но, признаться, я не испытываю признательности, потому что еще не решил, что же лучше – прозябать в небытие, оставаясь незримым и великим, или вернуться к жизни и показать истинную силу, которая на поверку может оказаться не столь впечатляющей, как воспетая за столетия и возведенная в абсолют. Совершенство может быть только в легендах.

Лицо Красноокого словно было высечено из мрамора – оно казалось столь же идеальным, как скульптуры, украшавшие замок Верховного, и столь же безжизненным. Лишь красные глаза и шевеление губ говорило о том, что этот облик принадлежит живому существу. Яся молча следила за движениями его губ и пыталась понять, в какую сторону он ведет беседу.

– Я не прошу благодарности, – Яся скрестила руки на груди. Чудовищным усилием воли она подавляла в себе желание создать щит, который бы защитил ее от пронзительного взгляда бога.

– Ты никогда ни о чем не молила богов?

– В богов я не верю.

– Даже если один из них стоит перед тобой?

– Ты всего лишь маг, которого стали называть богом. Все-

го лишь человек, обладающий незаурядными магическими способностями.

Красноокий прищурил глаза и рассмеялся. Его смех казался неестественным, наверное, смех ожившей мраморной статуи звучал бы именно так.

– Я был человеком, – Красноокий сделал акцент на слове «был». – Пока магия не избрала меня и не наделила силой, превратив в высшее существо.

«С сомнением у тебя все в порядке», – хотела сказать Яся, но вовремя прикусила язык.

– Как изменился мир за столетия? – продолжал Красноокий. – Лимы все еще поклоняются магам? Вы по-прежнему властители мира?

– Люди предпочитают делать вид, что магов нет, но при малейшей трудности бегут за помощью. Почти все маги больше не вмешиваются в политику и государственные дела. Остались лишь некоторые, к чьей помощи прибегают короли. По крайней мере, в нашей стране именно так.

– Все изменилось. Раньше пред взором магов трепетали, считали их совершенными.

– Магов осталось не так много.

– Не забывай, что когда-то их было всего трое. Я и мои братья. Наша сила создавала баланс в мире, приносила гармонию. И вот теперь я остался один. Баланса больше нет, и перевес сил на моей стороне.

– Ты хочешь уничтожить весь мир?

– Для чего?

– Бог войны и разрушений не может желать иного.

– И часто ты встречалась с богами, чтобы наверняка знать об этом? Даже бог войны мечтает о мире.

– И что значит мир для тебя?

– Пока еще слишком рано об этом говорить. Но вот мы и подобрались к сути нашей беседы.

Внезапное головокружение едва не заставило Ясю вновь упасть. Она еле удержалась на ногах, надеясь, что это просто последствия голода.

– Пока я одинок, слаб и, признаюсь, потерян. Мне нужны союзники, на которых я мог бы положиться, – Красно-окий приблизился к Ясе и посмотрел на нее сверху вниз. – Ты первая пришла мне на ум. Та, чья кровь возродила меня. Хочешь ты этого, или нет, но теперь мы нерушимо связаны. Это сильнейшие чары – Магия на крови – которые разрушить может лишь смерть.

– Что значит, связаны?

– Истинное понятие кровного родства. словно единое целое, разделившееся пополам. Мы можем стать идеальными союзниками. Твоя сила умножит мою, а моя – твою.

– Отчего-то мне кажется, что наши цели не совпадают.

– Чего же ты хочешь?

– Прекращения войны, мира на земле.

– Ты просто не понимаешь, что одно не может быть без другого. Только вкусивший горечь войны сможет ощутить

блаженство мира. Я ведь мог бы заставить тебя присоединиться ко мне, но даю право выбора. Именно так я благодарю тебя за свое воскрешение.

– И все равно, иного ответа, кроме согласия, ты не приемлешь?

– Разумеется. Ты принадлежишь мне, хоть сама этого и не осознаешь. Но я дам тебе шанс понять это. Выйди из пещеры, отыщи в капитолии того, по ком трепещет твое сердце, и пойми, какой слабой ты становишься рядом с ним. И тогда, я знаю, ты сама устремись ко мне.

– А если нет?

Красноокий вновь улыбнулся, и Ясю окатило волной страха. Слишком уж жуткой была его улыбка.

– Я знаю способы, как склонить человека на свою сторону.

В столице было спокойно и тихо. Ночь постепенно сдавала свои позиции рассвету. И час, когда сквозь тьму начал пробиваться свет, был особо любим Ведамиру. Именно в этот миг Верховный маг вошел в Иксард.

Больше всего Ведамир походил сейчас на путника, утомленного бесконечной дорогой. Собственно, им он и был. Он летел всю ночь, чтобы скорее добраться до дома и совершенно выбился из сил, утратив видимость величия. Вскоре он добрался до замка, служившего ему домом. Дотронулся ладонью до ворот и распахнул их.

Во дворе помощники уже вовсю занимались привычными делами – без помощи магии подстригали траву, потому что Ведамир поощрял ручной труд, чистили соленый фонтан и выравнивали камни на дорожках. Едва они заметили Верховного мага, как отложили все занятия и поклонились, потупив взор. Многие из них еще ни разу не видели Ведамира, но инстинктивно знали, кто перед ними. Сейчас было не то время, чтобы продолжать скрываться ото всех. Ведамир понимал, что покров тайны, окружавший его долгие годы, должен быть сорван.

Выпрямив плечи, Ведамир прошел мимо, бросив одному из помощников фразу:

– Свэрога и Василько я немедленно жду в библиотеке. И

принесите сытный завтрак.

– Какое счастье, что вы вернулись! – Василько зашел в библиотеку с подносом в руках, который отобрал в коридоре у одного из помощников.

– Хорошо оказаться дома. Ты удачно добрался до столицы с принцессой?

– Да, Верховный, – Василько поставил перед Ведамиром поднос, на котором была тарелка с жареными перепелиными яйцами, зеленью и лепешками и кружка молока. – Но, на самом деле, принцесса уже покинула королевский дворец. Она сбежала из темницы.

– Теперь это уже не имеет значения, – если Ведамир и удивился, то не подал виду. – Вневит напал на Шард. Не думаю, что его теперь интересуется женитьба. Да и как сохранять мир, которого нет?

– А Спекул, Верховный? Вы нашли его?

Ведамир не торопился отвечать. Он сел за стол и начал поглощать пищу.

– Никостэрион опередил меня. Он первый нашел зеркало и попытался воскресить свою семью.

– Но... у него ведь ничего не вышло? – Василько переминался с ноги на ногу, ожидая как можно скорее услышать продолжение истории.

– Лучше бы вышло, – заключил, наконец, Ведамир. – Его незнание механики этой магии позволило возродиться Крас-

ноокому.

– О, нет...

Не дожидаясь разрешения, Василько сел на стул напротив Ведамира, опасаясь, что его ноги перестанут его удерживать.

– Где Свэрог? – не обратив внимания на оцепенение Василько, спросил Ведамир. – Неужели у него есть дела важнее, чем встреча со мной?

– Свэрог сбежал, Верховный.

– Что? – Ведамир вскочил на ноги, смахнув поднос с едой на пол. – Как он посмел?

– Не знаю. Но когда я вернулся, то застал Свэрога в ужасно подавленном состоянии. Он корпел над погодной картой и не мог справиться с заклинаниями. Я помог ему, разве мог поступить иначе? Тогда Свэрог, не поблагодарив меня, ушел в свою комнату. А на следующий день его уже никто не видел. Только один из слуг говорил, что видел, как Свэрог затемно покинул замок.

– Не ожидал я подобного.

Ведамир взмахнул рукой, и упавший поднос вернулся на стол в первозданном виде. Но продолжать трапезу Верховный не стал.

– Что ж, это его выбор. Отныне назначаю тебя, Василько, единственным Старшим помощником Верховного мага. Дай мне время привести себя в порядок, а после мы обсудим, что делать дальше.

Ночной Шард красив. Повезет путнику, впервые узревшему город именно в это время суток. Тогда окна небольших глиняных домов сияют огнями – отсветами пылающих каминов, горящих свечей и лампад. А подходя к любому из них, можно подслушать, как матери и бабушки рассказывают детям и внукам сказки о чудесах пустыни. Так было до недавнего времени, когда город не был захвачен соседним Этернарбосом.

Сейчас же окна пусты и безжизненны. Несмотря на уверения Вневита о том, что жителям ничего не угрожает, люди стали вести более скрытный образ жизни. Сказки теперь рассказывали шепотом в темноте, а то и вовсе обходились без них.

Все изменилось, и война была тому виной.

Эней забрался на крышу одного из домов, лег на устилавшую ее солому и стал смотреть на звезды и полную луну. В пустыне она отчего-то казалась больше. Словно огромное блюдо, отражающее свет ярчайшей звезды. Энею не довелось изучать астрономию в Академии – он постигал эту науку самостоятельно по книгам из отцовской и городской библиотеки.

Может быть именно потому, что Эней не обучался в Академии, он чувствовал себя чужим – в родном Ниобурге для

него словно не было места. Когда Энею исполнилось восемь, и настало время начала обучения, отец запретил ему уезжать, эгоистично испугавшись остаться одному, все еще не смирившись с потерей жены. Поэтому Энею пришлось лишиться большей части круга общения – его лучший друг отправился учиться, а дети-лимы не хотели дружить с магом.

– Тебя даже в вашу Академию не взяли, значит ты им не нужен! И мы с тобой водиться не станем, – кричали дети и убегали от Энея прочь.

Заливаясь слезами, малыш Эней каждый раз бежал домой и прятался под кроватью, откуда его вытаскивал отец, давал в руки учебник и велел сосредоточиться на обучении.

Эней овладевал заклинаниями точно так же, как и дети, учившиеся в Академии. А в чем-то даже превосходил их. Белотур не был очень уж сильным магом, но его знания компенсировали этот недостаток. Он преподавал Энею те же дисциплины, что изучали в Академии. А про волшебных существ и чудовищ он мог рассказать даже больше, чем многие учителя, зная на собственном опыте, как защищаться от одних и как во благо использовать других.

Уже очень скоро Эней понял, что волшебная палочка ему больше мешает, чем помогает, и к девяти годам отказался от ее использования, к огромной гордости отца, который всю жизнь пользовался палочкой.

Белотур пробовал брать сына с собой в лечебницу, чтобы обучать его целительству, но Эней не проявлял никакого ин-

тереса к этой науке и всякий раз передергивался, когда приходилось видеть загноившуюся рану или сыпь на причинном месте. Куда больше ему нравилось изучать отцовскую книгу о чудовищах, населявших мир.

В конце концов Белотур махнул рукой на нежелание сына идти по его стопам и предоставил ему возможность самостоятельно выбирать интересующие его дисциплины. И в то время, пока отец работал в лечебнице, Эней был предоставлен самому себе.

В один день, отработав нужное заклинание – на этот раз чары изменения цвета, – Эней бесцельно слонялся по Ниобургу. В пекарне он купил пирожок с любимой вишней и, усевшись на заборе, смотрел через окно, как кузнец, размахивая тяжелым молотом, превращает кусок металла в двуручный меч.

Когда кузнец вынул раскаленный меч из печи и опустил его в масло для закалки, Эней, услышав шипение, довольно присвистнул. Кузнец посмотрел на него из окна и кивнул на дверь, чтобы тот зашел.

В кузнице Эней подошел к мастеру и с широко раскрытыми глазами стал наблюдать, как тот вытаскивает меч из масла. Кузнец наставил меч на Энея и сказал:

– Видишь, малец, идеально ровный. Закалка пошла на пользу.

– Какой-то он некрасивый, – поджал губы Эней, увидев перед собой обугленный металл.

– Подожди, сейчас я его обточу, и он станет гореть ярче солнца. Знаешь, для кого этот меч? Для короля Благояра. То-то же!

– Хотел бы и я себе меч, – присвистнул Эней. – Я бы расправился со всеми монстрами в мире.

Он сделал выпад и начал размахивать воображаемым оружием.

– Осторожно! – оттолкнул кузнец Энея, едва не налетевшего на узкое и высокое ведро с маслом. – Отходи, нельзя упустить время – сейчас ты увидишь настоящую магию.

Вопреки ожиданию узреть, как с помощью колдовства обугленный металл превращается в настоящее оружие, Эней наблюдал за тем, как кузнец обточил меч и поднял его над головой так, что на отполированном до блеска острие на миг отразился пылающий в печи огонь.

– А где же тут магия? – Эней, до этого восхищенно наблюдавший за работой мастера, поднял бровь. – Вы не произнесли ни одного заклинания. Или это магия Силентио? Беззвучная магия, доступная лучшим магам?

– Подожди-подожди, не тараторь так, – кузнец улыбнулся и опустил меч. – Не все в нашем мире измеряется силой магии. Некоторые вещи ей не подвластны.

Кузнец взмахнул мечом, подбросил его в воздух и ухитрился словить его на ребро ладони между клинком и гардой так, что тот замер, идеально балансируя в воздухе.

– Твоя магия ни за что не создаст столь идеальный баланс

и пропорцию.

– Так это не была Силентийо?

– Я не маг, – кузнец вновь подкинул меч и на это раз ухватил его за рукоять. – Уже нет. Все, что можно увидеть в моей кузнице – это результат кропотливой работы, которую я и назвал теперь магией. Ручной труд напрасно недооценивают. Но некоторым, для того, чтобы чего-то добиться, достаточно только его.

– Как это – вы были магом? Разве можно лишиться магии?

Кузнец окинул взглядом кузницу и глубоко вздохнул. Откровенничать с мальцом ему явно не хотелось, и он молчал. Эней смог это понять, но желание задать сотню вопросов было сильнее тактичности и вежливости.

– Вы не любите магию?

– Это такое же искусство, как и прочее. Не лучше и не хуже того же кузнечного дела. Можно добиться успеха хоть в чем, обладая должной долей упорства.

– Кузнецом можно научиться быть. Но невозможно стать магом, если изначально магии в тебе нет.

– А откуда ты знаешь? – подмигнул кузнец. – Если в мире до сих пор что-то не произошло, то не значит, что это не произойдет в будущем.

– Что это значит?

Кузнец пожал плечами. Он развернулся спиной к Энею и аккуратно положил меч на дощатый стол у стены.

– Поздно уже, тебя дома хватятся, – кузнец посмотрел за

окно. Небо стало алым, провожая солнце, клонившееся к закату.

– Отец всегда работает допоздна, – Эней пожал плечами и одним духом выпалил фразу, что крутилась в его голове. – Научите меня, кузнец!

– Ковать мечи?

– Нет! Сражаться на них! Вы правы, одной магии может быть недостаточно. Пожалуйста, кузнец!

– Ты прилипчивый, словно банный лист, парень. От тебя так просто не отделаться, верно? Что ж, давай попробуем. И зови меня по имени – Данияр я.

Неизвестно, что Данияр получал от встреч с Энеем – удовольствие быть учителем или компенсацию отсутствию общению с детьми, но с того самого дня каждый вечер он давал Энею уроки владения мечом.

– Отец, возьми меня в лес!

Эней пританцовывал вокруг стола Белотура, где тот писал заметки для своей книги. Белотур уже пару раз прикрикнул на сына и один раз замахнулся на него, но тщетно – Эней битый час продолжал упрашивать отца.

– Во имя Желтоокого бога, Эней, пойдешь прочь! – Белотур стукнул кулаком по столу.

– Отец, прошу тебя!

– Нечего тебе в лесу делать, мал еще!

– Мне одиннадцать! Я умею колдовать и сражаться на ме-

чах! Смотри.

Эней вытащил из ножен меч, который подарил ему Данияр и который он теперь повсюду носил с собой, и сделал изящный выпад.

– Я еще поговорю с Данияром о ваших занятиях. Не понимаю, какого беса он возится с тобой, – умения сына не произвели никакого впечатления на Белотура.

– Пожалуйста! Я хочу посмотреть на чудовище, пока ты его не убил!

– Эней, в нашем лесу завелся баук – это слишком опасное создание для одиннадцатилетнего мальчика, пусть и такого искусного. Когда буду охотиться на зайцев, то обязательно возьму тебя с собой.

– Не хочу зайцев, их на опушке пруд пруди, устал ловить...

– Ты без спроса охотился на зайцев? – Белотур запрокинул голову и тяжело вздохнул.

– Я продавал их тушки Анахите. Восемнадцать смолок выручил, – Эней выпятил грудь и задрал голову, гордясь собой.

– Ты явно продешевил. В следующий раз пусть дает аргету за штуку.

Белотур вернулся к своим заметкам, но успел написать только «обладает нечеловеческой силой», как Эней схватил его за левую руку.

– Папа, ну пожалуйста!

– Ты пролил чернила!

Белотур вскочил на ноги, оттолкнув Энея, выхватил волшебную палочку, взмахнул ею, и чернила вернулись обратно в бутылек. Эней опустил голову и отошел к стене, понимая, что перешел границу дозволенного.

– Марш в свою комнату! – Белотур указал рукой на дверь. – Чтобы до вечера я тебя не видел и не слышал! И не вздумай больше заводить разговор про лес. Ясно?

– Ясно, – Эней нахмурился и, опустив плечи, побрел к двери, бормоча что-то под нос. – Жаль мама не видит, какой ты стал злой.

В комнате Эней ходил из угла в угол, возмущенный несправедливостью отца. Как долго Белотур продолжит считать Энея ребенком? Иные в его возрасте и торговать в соседние села ездят, и на дальнее озеро рыбу ловить. А там, между прочим, сирены, говорят, живут! А ему нельзя даже на баука какого-то посмотреть.

Ну к бесу! Разве можно что-то запрещать, если так этого сильно хочется?

На цыпочках Эней вышел из дома и бегом помчался в лес. Он читал заметки отца и знал, что днем баук спит. А значит можно тихонечко посмотреть на него, а потом вернуться домой как ни в чем не бывало. Предельно простой план, который не мог обернуться провалом.

Эней вошел в лес, поправил меч в ножнах и улыбнулся, довольный собой. Он поднял руки и прошептал:

– Инвенис! – полезное заклинание, которому его научил отец, помогающее в поисках.

В руки Энею упал полупрозрачный клубок ниток, отливающих серебром. Он ухватился за край нитки, а сам клубок бросил перед собой.

– Найди мне баука.

Клубок ожил и покатился перед Энеем, указывая путь. Радуюсь тому, как славно все получается, Эней пустился бежать, не выпуская из руки нити.

Клубок уводил все глубже в лес. Туда, где, казалось, не ступала нога человека. Густые заросли, огромные деревья и тишина – не было слышно даже пение птиц. По спине Энея пробежали мурашки, и он ухватился за рукоять меча.

Клубок остановился у входа в нору – черной дыры, из которой доносилось сопение кого-то большого и жуткого.

– Баук, – прошептал Эней и отпустил нить. Клубок моментально исчез.

На цыпочках Эней подкрался ко входу в нору, но там было так темно, что разглядеть баука не получалось.

– Глокс! – прошептал Эней, создавая перед собой большой светящийся шар. Зря что ли он пришел?

Эней отправил шар вглубь норы и смог разглядеть монстра. Огромный, вдвое больше крепкого мужчины. Крепкие ноги, длинные когти и устрашающее сопение. От ужаса Эней негромко вскрикнул, опустил руки, и шар света упал прямо на баука. Чудовище моментально проснулось, дико заревело

и вскочило на ноги, разрушая свое убежище. Баук выскочил перед Энеем как черт из табакерки.

– Баууу!

– Крепис! – но взрывное заклинание только отскочило от чудовища.

Эней выхватил меч и едва успел увернуться от баука, который бросился на него с распростертыми лапами, словно желая крепко обнять. Выдернутое из сна чудовище отчаянно ревело. В записках отца Эней читал, что баук боится яркого света и никогда не выходит из укрытия днем. И теперь, вынужденный покинуть свою нору, он был зол. Очень зол.

Баук прижимал лапы к глазам и слепо топтался, рассчитывая наступить на того, кто потревожил его покой. Эней ухитрился подобраться к бауку сзади, полоснул его мечом по ноге чуть ниже колена и едва успел отскочить назад – баук рухнул на землю.

– Ага! – победно закричал Эней, но радость была преждевременной.

Баук тут же поднялся на ноги, убирая лапы от лица, и Эней смог разглядеть его глаза – маленькие черные точки, наполненные яростью. Баук снова закричал, Эней закричал в ответ – то ли от страха, то ли пытаясь казаться сильнее, чем есть на самом деле.

Баук бросился на Энея, тот отскочил в сторону, пытаясь еще раз порезать чудовище, но выронил свой меч. Теперь стало страшно. Эней взмахнул руками, создал световой шар

и бросил его в баука, пятясь назад.

– На землю, Эней! – услышал он и быстро упал.

Тут же на баука обрушился поток огня, моментально поглотивший его. Баук закричал отчаяннее, чем прежде, но через несколько мгновений превратился в горстку пепла.

Эней поднялся на ноги, тяжело дыша. В нескольких шагах от него стоял Белотур.

– Я же запретил тебе ходить в лес!

Эней опустил голову, не зная, что сказать.

– Ты мог погибнуть, – Белотур подошел ближе. – Тебе так повезло, что сейчас день, баук не показал и трети своей силы.

– Прости, папа.

Белотур крепко прижал к себе сына и закрыл глаза. По его щекам бежали слезы.

– Я рад, что ты жив, сын.

– Папа, – прошептал Эней, – я, наконец, понял, кто я есть.

Кем я хочу быть всю свою жизнь.

– Кем же? – отстранился Белотур.

– Я хочу охотиться на чудовищ.

Энея устраивала его жизнь – жизнь охотника на чудовищ. Помогать людям у него вошло в привычку, точно так же, как умываться по утрам. Но теперь он осознал, что способен на большее. Красноокий открыл ему глаза – королевское происхождение семьи давало куда больше возможностей, чем охота на монстров.

Теперь Энею стало казаться, что он всегда ощущал внутреннюю силу, которую всячески подавлял. Но именно сейчас получилось признаться самому себе, что он смог бы занять законное место на троне, отнятое у их семьи силой. Но для этого нужно было убедиться, что его отец и дядюшки не станут претендовать на правление.

Нужно было сделать так, чтобы с их стороны не было и возможности помешать ему в осуществлении задуманного. И начать следовало с того, кто был ближе всех. С Никостэриона.

Эней уснул на крыше, разглядывая звезды. Утром его разбудил первый луч солнца, поднимающегося из-за линии горизонта, так манящей своей недоступностью.

Шард еще спал. И жители, и воины Этернарбоса, и сам король Вневит. Не спали лишь постовые, охранявшие вход в город. Отличные маги, одни из лучших в войске Вневита. Впрочем, король нисколько не рассчитывал на возможность внезапного нападения.

Эней потянулся, достал из кармана припрятанное печенье и принялся его грызть. В голове словно появилась зияющая дыра – он не мог понять, что и как ему нужно делать. С одной стороны, нужно было искать Никостэриона, с другой узнать, что же произошло с Ясей, а инстинкты требовали просто бежать из города со всех ног.

Дожевав печенье, Эней сглотнул и спрыгнул на землю,

чуть замедлив скорость падения. Он был на окраине города. Здесь дома становились совсем уж маленькими и скромными. Впрочем, весь Шард, на первый взгляд показавшийся красивыми и величественным, на поверку оказался бедным, несмотря на добычу адамантов. Кажется, король Гремислав чересчур жадно выкачивал из города ресурсы, заботясь лишь о собственном благополучии. Но сам Шард был большим, возможно лишь немного меньше Иксарда, в котором-то и крылось величие, недоступное остальным.

Эней медленно шел по городу, наложив на себя маскировочное заклинание. Так можно было не бояться привлечь ненужное внимание.

Во многих городах на центральной площади был фонтан. В Шарде же просто стоял каменный чан с водой – как напоминание о том, чего не хватает в пустыне. Но располагался он не под открытым воздухом, а в капитолии. Считалось хорошей приметой, помолившись пустынным богам, смочить руку водой из чана перед тем, как пересечь пустыню.

Эней вошел в капитолий, который последние дни был пуст, чтобы прильнуть к магическому пустынному артефакту, и увидел человека, стоявшего на коленях перед чаном. Возможно, тот молился богам, в которых верил, а, возможно, просто спал, уткнувшись лбом в холодный камень. Эней не хотел мешать, но узнал молящегося – это был Никостэрион, встречи с которым жаждал Эней.

Никостэрион дрожащими руками зачерпывал воду и умы-

вал свое лицо. У него было не так много времени – его наверняка искали повсюду, – но ему нужно было исцеление после общения с Вневитом, а вода в этом чане, как и сказал Красноокий, обладала удивительной силой.

Эней трясущимися руками достал меч из ножен и медленно стал подходить к магу. В голове вертелась только одна мысль, принадлежавшая не ему, но вложенная в его голову силами Красноокого бога: «мне нужно убить его». Когда меч был занесен, а Эней уже мысленно праздновал победу, Никостэрион резко развернулся, одновременно выставляя магический щит, снимая маскировочное заклинание с Энея и отбрасывая его в сторону.

– Что ты творишь? – глаза Никостэриона горели бордовым, он тяжело дышал и смотрел так грозно, что, в даже отсутствие магии этот взгляд мог бы испепелить.

Эней огляделся по сторонам, словно пытался понять, как попал сюда. Падая, он выронил меч, который лежал теперь в нескольких шагах от него.

– Бить со спины – последнее дело, я был о тебе лучшего мнения, – Никостэрион взмахнул рукой, и Эней поднялся в воздух, нелепо болтая руками и ногами. – Сейчас от тебя останется лишь прах, который навеки будет развеян среди песков.

Эней закричал и, собрав силы, отразил заклинание Никостэриона, упал на каменный пол и быстро поднялся на ноги. Никостэрион пошатнулся, но остался стоять.

– Можешь скажешь, чего ты удумал? – Никостэрион держал руки перед собой, готовый отразить атаку Энея.

– Ты мне мешаешь, – Эней бросил взгляд на меч, но Никостэрион перехватил его взгляд и заклинанием отшвырнул его подальше.

– Как, позволь узнать?

– У меня есть право, которым я хочу воспользоваться. Право стать тем, кем мне должно быть. То, что отняли у нас. То, что вы не попытались вернуть.

– Ничего не понимаю.

– У нашей семьи отняли трон. Править страной должны мы. Я.

– Многие поколения наши предки стояли во главе страны. Но теперь это неважно. Все изменилось.

– Трон захватили обманом. Несправедливо. И пришло время все вернуть на круги своя, – Эней произносил слова, которые не принадлежали ему.

То, о чем он не мог никогда и помыслить, вырывалось наружу. И, самое страшное, Эней начинал верить в правдивость сказанного.

– Много же в последнее время тех, кто жаждет править. Благородный порыв, но чем тебе помешал я?

Эней отправил молнию в Никостэриона, которую тот успешно отразил.

– Пока жив ты, мне не взойти на трон. Ты, или Ведамир имеете больше прав, нежели я.

– Ты точно спятил. А как же твой отец? Белотур? Убьешь меня, Ведамира, и останется он. Тот, чье право также неоспоримо.

– Кто сказал, что он останется?

Эней взмахнул руками и сделал жест, словно бьет хлыстом. Из его рук вырвалась ударная волна, которая направилась в сторону Никостэриона. Тот увернулся, и заклинание попало в чан, расколов его надвое. Вода разлилась по полу, Эней на мгновение отвлекся, а Никостэрион заклинанием сбил его с ног, схватил его меч и занес над Энеем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.